

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Трофимова Юлия Вячеславовна

КОНЦЕПТ «ПОЛИТИКА»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель –
д-р филол. наук, проф.
Ю.В. Фоменко

Новосибирск
2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Историко-этимологическая и структурно-семантическая характеристика слова « <i>политика</i> » в русском языке	34
§1. Слово « <i>политика</i> » в историко-этимологическом аспекте	34
§2. Лексико-семантические особенности слова « <i>политика</i> » в русском языке (на материале словарей)	42
ГЛАВА 2. Системные связи ключевых слов, эксплицирующих концепт «политика» в русской языковой картине мира (на материале газетной публицистики XXI в.)	53
§1. Синтагматические связи слова « <i>политика</i> » в газетно-публицистической речи	53
§2. К проблеме термина и контекста	55
§3. Особенности лексико-семантической сочетаемости слова « <i>политика</i> »	62
§4. Процессы детерминологизации и транстерминологизации ключевых терминов на газетной полосе	68
§5. Парадигматические связи существительного « <i>политика</i> »	81
§6. Эпидигматические связи слова « <i>политика</i> » как имени концепта «политика»	83
6.1. Общая характеристика словообразовательного гнезда «политика»	86
6.2. «Частотный словарь русского языка» и наиболее употребляемые единицы словообразовательного гнезда «политика» конца XIX – нач. XXI в	90
§7. Функционирование единиц словообразовательного гнезда «политика» в газетно-публицистической речи	96
7.1. Синтагматические связи слова « <i>политик</i> »	97

7.2. Синтагматические связи слова « <i>политический</i> »	99
ГЛАВА 3. Ассоциативные связи концепта « <i>политика</i> »	105
§1. К теории свободного ассоциативного эксперимента	105
§2. Данные "Русского ассоциативного словаря" по отношению к языковой экспликации концепта « <i>политика</i> »	107
§3. Анализ ассоциативного эксперимента	111
Заключение	119
Библиография	134
Приложение	149

ВВЕДЕНИЕ

Отличительной чертой наших дней является возросший интерес к вопросам, связанным с осмыслением феномена человека, что проявилось в развитии и расширении зоны интересов изучающих человека наук, в частности, в появлении заметного числа монографий и сборников, посвященных этой теме. В этой ситуации реконструкция того, каким человек видит мир, каким он представляет себе законы и закономерности мироустройства и миротрансформирования, сегодня оказывается неотъемлемой составляющей гуманитарных наук.

Проблема особенностей языкового мировосприятия, отраженного в языке, с давних времен волновала умы многих мыслителей (В. Гумбольдт, Л. Вайсгербер, М.Хайдеггер, Б. Уорф, Э. Сепир, А.А. Потебня, Л.В. Щерба и др.). Не потеряла она своей притягательной силы и для многих современных исследователей (Брутян 1968; 1999; Кацнельсон 1986; Колшанский 1990; Вежбицкая 1997, Радченко 1997; Толстой 1997, с. 306-315 и др.).

Картина мира (КМ) является одной из популярных в современной антропоморфной лингвистике проблемой. Вопросы о содержании КМ, о ее наполнении, о соотношении концептуальной и языковой картины мира, их взаимодействии затрагивались в исследованиях многих философов и лингвистов. Среди них наиболее известны работы Б.А. Серебренникова, В.И. Постоваловой, А.А. Уфимцевой, Е.С.Кубряковой и др.

Картина мира - это не зеркальное отражение мира, а всегда некоторая его интерпретация. Контакты с миром всегда уникальны. Образ мира, составляющий ядро КМ, формируется у человека в процессе всей его жизнедеятельности, в ходе контактов с миром. Известно, что совокупность знаний о каждом предмете во многом зависит от жизненного опыта, рода занятий, наличия определенного образования и т.п.; нередко говорят, что у каждого человека своя собственная КМ или собственное представление о мире.

В лингвистической литературе нередко встречается термин «языковая картина мира», в который вкладывается разное содержание. Поэтому он требует объяснения. Мы, вслед за Б.А. Серебренниковым, считаем, что следует различать две картины мира – концептуальную (ККМ) и языковую (ЯКМ). ККМ богаче ЯКМ, поскольку в ее образовании, по всей видимости, участвуют различные типы мышления, не только вербальное.

В сборнике научных трудов «Текст как отображение картины мира» (М., 1989) мы находим понимание концептуальной модели мира как продукта отображательной способности мышления. ККМ отражается в языке как знаковой системе, используемый в процессе коммуникативной деятельности человека. Концептуальная и языковая картины мира соотносятся как отражение и отображение. Изучение ЯКМ, важной составной части ККМ, тесно связано с вопросом о соотношении языка и мышления, языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессе отображения действительности как сложного процесса интерпретации мира человеком.

Основными элементами, составляющими языковую картину мира, являются семантические поля (Б.А.Серебренников и Ю.Н.Караулов), тогда как концептуальная картина мира складывается из единиц более высоких уровней — групп и сверхпонятий, представляющих собой константы сознания.

ККМ содержит информацию в понятиях, а в основе ЯКМ лежат знания, закрепленные в значениях слов, предложений, грамматических категорий, по-разному структурированных в границах семантических и функционально-семантических полей того или иного конкретного языка.

Состоящая из семантических полей ЯКМ носит до известной степени фрагментарный не всегда заверченный характер. Она более подвижна, чем ККМ. Непосредственно отражая постоянное изменение и перестройку, происходящие в окружающем человека мире, ККМ отличается большей

устойчивостью и универсальностью. Для ЯКМ характерны проблемы, «дыры», обусловленные ее фрагментарностью и неполной системностью. Эти лакуны на уровне полей и слов отчетливо обнаруживаются при сравнении с другим языком, т.е. при проекции ЯКМ на другую плоскость. Но расхождения между языковыми моделями (картинами) мира внутри одной языковой общности и между языковыми картинами разных языков нейтрализуется в значительной степени на уровне ККМ, что и обеспечивает взаимопонимание.

ККМ характеризуется большей упорядоченностью, системностью, в ней главную роль играют научные представления и идеологический момент. Именно идеология, понимаемая в широком смысле как способ упорядочения наблюдаемых отношений внешнего мира, помогает установить цепь иерархических зависимостей, - то есть определить, что чему подчинено между элементами и частями ККМ.

Большая специфичность ЯКМ - ее варьируемость и по набору ядер, и по составу полей, но в то же время ее известная обусловленность, зависимость от ККМ делают соотношение этих принадлежащих к различным уровням моделей аналогичным соотношению нормы и структуры языка. Как между нормой и структурой, между ЯКМ и ККМ нет переходной границы.

И та и другая модель передает свой способ существования лексики КМ (словаря). В сознании носителя, как таковые, они обладают потенциальностью, свойством разворачиваться во времени. И та, и другая восходят к одним и тем же источникам, складываясь из структуры словаря, связанной с ней и растворенной в ней грамматики и помогающей установить зависимость между разрозненными элементами и воссоздать целостную картину мира.

По словам многих лингвистов, в исследовании любых фрагментов ЯКМ ведущим является лексическое значение аналогичным соотношению нормы и структуры языка.

Данная диссертация выполнена в русле когнитивных исследований, и **объектом** ее изучения является концепт «политика» в русской картине мира (научной и наивной), который представляет ментальный фрагмент в жизни общества.

В нашей работе не удивительно обращение к термину «концепт», который занимает одно из главенствующих мест в лингвистических исследованиях последних лет. Теория концепта как одного из ключевых понятий когнитивной лингвистики, насчитывает немало подходов и точек зрения.

Когнитивная лингвистика - наиболее распространенное (особенно в Европе) название направления лингвистических исследований в рамках когнитивной науки - базируется на представлении о том, что в основе языка как знаковой системы и деятельности лежит система знаний о мире, которая формируется в сознании человека в результате его познавательной деятельности. При этом сам язык выступает как когнитивный механизм, непосредственно участвующий в формировании этой системы - определенным образом организованных структур знания. Базовыми элементами такой системы являются концепты - содержательные оперативные единицы знания (Кубрякова 1997).

В сферу когнитивной лингвистики входят ментальные основы продуцирования и понимания речи. Результаты исследования дают возможность раскрыть механизмы человеческой когниции в целом.

Изучение способов репрезентации ментальных величин, среди которых фреймы, сценарии, концепты, образы, представления, является одной из центральных задач когнитивной лингвистики.

Концептуализация (понятийная классификация) – важнейший процесс познавательной деятельности человека, он заключается в осмыслении поступающей к нему информации, приводящей к образованию концептов в мозгу (психике человека). Концепты возникают в результате концептуализации, то есть преломления в голове человека

окружающего его мира, существующих в последнем объектов, действий, состояний, связей и отношений между ними (Ришар 1998: 15). Они рассматриваются, с одной стороны, как результат индивидуального процесса восприятия и осмысления предметов и явлений окружающей действительности, поскольку у каждого человека есть свой круг ассоциаций, оттенков значения и, в связи с этим, "свои особенности в потенциальных возможностях концепта" (Лихачев 1993: 5).

Этим объясняется тот факт, что за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей могут стоять разные концепты. С другой стороны, концепты отражают не только индивидуальный опыт, но и опыт поколений, возникая в результате взаимодействия таких факторов, как национальные традиции, фольклор, религия и идеология, образы искусства, системы ценностей определенного языкового коллектива (Арутюнова 1982). Концепты отражают определенные культурнообусловленные представления человека о реальном мире, "благоприобретенные через посредство языка как орудия культуры" (Вежбицкая 1999: 24). В этом смысле справедливо утверждение Д.С.Лихачева о том, что "концепты являются результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека", а его потенция тем шире и богаче культурный опыт человека (Лихачев 1993: 4).

Сферами применения термина «концепт» являются, прежде всего, когнитивная психология, когнитивная и культурологическая лингвистика. Все возрастающий научный статус данного термина подтверждается его активным использованием в работах крупных исследователей. Автор фундаментальной работы «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанов относит слово «концепт» к «главным терминам Словаря» (Степанов 1997а: 40). Не случайно включение термина «концепт» и в «Краткий словарь когнитивных терминов», изданный под редакцией Е.С. Кубряковой (Кубрякова и др. 1996).

Когнитивная лингвистика, связанная с изучением когниции в ее лингвистических аспектах и проявлениях, вторгается в сложную область исследования - описание мира и создание такого описания.

Понятие «концепт» (от лат. *conceptus* - мысль, понятие), ставшее в последние годы в отечественном языкознании стержневым, благодаря трудам Г. Фреге и А. Черча, было заимствовано лингвистами из математической логики, также использовался в контексте исследований, проведенных на "стыке" лингвистики и философии. Его применение как термина в нашем языковедении обнаруживается в вышедшей в 1928 г. статье С.А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово», опубликованной в журнале «Русская речь». Однако в силу различных объективных и субъективных причин он на длительное время исчезает из отечественного лингвистического лексикона. Можно предположить, что данный термин, значительно пересекающийся по своему содержанию с устоявшимся традиционным, более привычным для научной общественности термином русского языка «понятие», не смог выдержать конкуренции, что в свою очередь объясняется, с одной стороны, иноязычным происхождением первого, а с другой - отсутствием на тот период развития лингвистической мысли его должного научного толкования.

Лишь спустя несколько десятилетий в нашей стране данным термином начинают оперировать когнитивисты, некоторые из них работают в парадигме философии языка (Павиленис 1986: 240-263; Холодная 1983 и др.). Они рассматривают «концепт» как часть концептуальных систем носителей языка, синонимизируя термины «концепт» и «смысл». В их работах приоритетным является изучение базисных подсистем человеческого знания. Вербальные знаки, фиксирующие элементы понятийных систем, как правило, при этом когнитивистами не акцентируются, что, безусловно, не способствует более глубокому анализу и – соответственно – пониманию сущности (языковых)

концептов. Последние, как известно, переживают этапы своего становления в конкретных исторических условиях.

В 80-е годы данный термин находит применение в работах Р.И.Павилениса и его последователей, где концепт становится центральным понятием в изучении базисных подсистем человеческого знания. В рамках этого подхода концепт идентичен понятию «смысл» и служит для описания концептуальной системы носителя языка. Концепты, в понимании Р.И. Павилениса, - «некие абстрактные сущности в духе «мыслей» Фреге как объективное содержание мыслительного процесса, которое передано от одного индивида к другому, как нечто общее для всех или большинства носителей естественного языка» [Павиленис 1986: 102]. Положения, выдвинутые Р.И.Павиленисом, находят отражение в исследованиях многих отечественных лингвистов (Е. С. Кубряковой, А.П.Бабушкина и др.).

С начала 90-х годов «концепт» привлекает внимание все большего количества ученых и постепенно становится одной из центральных категорий лингвистики антропологического направления. В первую очередь необходимо отметить научные труды Д.С. Лихачева и Ю.С.Степанова.

Концепт как всякий сложный когнитивный лингвосоциальный конструкт в современной науке о языке не имеет однозначного толкования (Бабушкин 1996: 43; Воркачев 2001: 64-72; Карасик 1999: 5-19; Кубрякова 1996 а: 90-93; Лихачев 1997: 280-287; Ляпин 1997: 11-35; Скидан 1997: 36-69; Степанов 1997 а: 40-76).

Этот иноязычный термин родствен русскому слову «понятие». Легко заметить, что этимологически концепт и понятие во многом родственны, выражая общую идею. Употребление их в отечественной лингвистике все еще не имеет четкого разграничения. В одних работах термин «понятие» толкуется как более объемная по содержанию единица языкового

сознания, в других же, напротив, концепт признается более объемной, широкой единицей (см.: Худяков 2001: 32-37).

Ю.С. Степанов толкует концепт как синоним термина «понятие». «Концепт (понятие) – явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей: значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» (Лингв.энц.сл. 1990: 384).

Однако позже Ю.С. Степанов замечает, что «концепту принадлежит все то, что принадлежит строению понятия, а также в его структуру входит все то, что делает его фактом культуры: исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации, оценки и т.д.» (Степанов 1997: 16).

Русское слово «понятие» имеет, безусловно, более широкое применение в нашем языке, в том числе и профессиональном языке филологов. Оно полисеманлично: «1. Логически оформленная мысль о классе предметов, явлений; идея чего-нибудь. 2. Представление, сведение о чем-нибудь. Иметь, получить понятие о чем-нибудь. 3. *Обычно мн.* Способ, уровень понимания чего-нибудь. У детей свои понятия» (Толк.сл. 1995: 551). Как термин это слово традиционно употребляется, прежде всего, в философии и логике. В логике он моносемичен и имеет следующую дефиницию: «Понятие – мысль, фиксирующая признаки отображаемых в ней предметов и явлений, позволяющие отличать эти предметы и явления от смежных с ними» (Горский, Ивин, Никифоров 1991: 150).

Концепт, согласно научным дефинициям (Аскольдов 1997: 269; Кубрякова 1996 а: 90-93; Ляпин 1997: 11-35; Скидан 1997: 5-10), – это многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем.

М.А. Холодная трактует концепт как «познавательную психическую структуру, особенности организации которой обеспечивают возможность

отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов» (Холодная 1983: 23). По мнению Р. Павилениса, концепты - это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» (Павиленис 1986: 241. - Цит. по: Бабушкин 1996: 15).

В.Н. Телия считает, что смена термина «понятие» как набора существенных признаков на термин «концепт» не просто терминологическая замена: «концепт» - это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности, из этого следует, что концепт должен получить культурно-национальную прописку» (Телия 1996: 97). «Концепт – это все то, что мы знаем об объекте, во всей экстенции этого знания. Это знание об обозначаемом во всех его связях и отношениях» (Телия 1996: 74). И не случайно во многих концепциях принято говорить об оценочных коннотациях, т.е. созначении, приписываемом типовому образу в модусе субъекта оценки.

Точка зрения Н.Д. Арутюновой близка пониманию концепта В.Н.Телии и дополняет его. Она объясняет концепт как понятие практической (обыденной) философии. «Концепт – взаимодействие таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образцы искусства, ощущения и системы ценностей» (Арутюнова 1990: 47). Понятия обыденной философии образуют своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром, и являются «наивной картиной мира». С точки зрения Н.Д. Арутюновой, концепт – это метаязык, который помогает в исследовании культуры.

Р.И. Фрумкина сосредоточивает свое внимание на лингвистической и психолингвистической сущности концепта. Иными словами, она считает, что лингвистов должен интересовать тот смысловой «ореол», который данный термин получает при обсуждении «интра- и интерпсихических процессов» (Язык и наука конца XX в. 1995: 88). По ее

мнению, если считать концепт объектом идеального порядка, т.е. существующим в нашей психике, то тогда одному и тому же имени (слову) в психике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования. Поэтому не только разные языки по-разному преподносят нам действительность, но и также за одинаковым словом этого языка в разумах людей могут стоять различные концепты.

А. Вежбицкая определяет концепт как «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность» (1996). Сама же действительность, по словам А. Вежбицкой, дана нам в мышлении (но не в восприятии!) именно через язык, а не непосредственно. Она также вводит термин «концепт-минимум» (Вежбицкая 1997), который объясняет как полное владение смыслом слова, свойственное рядовому носителю языка.

Концепт, как и понятие, - единица когнитивного порядка. Архитектоника концепта как структурно-смыслового образования сложнее архитектоники понятия. С.Х. Ляпин и В.И. Карасик понимают под концептом многомерное культурно значимое социопсихическое образование в сознании всего коллектива, вербализующееся в той или иной языковой форме. Они считают важными такие признаки концепта, как многомерность, значимость для данной культуры, зависимость от социальных и национально-психологических характеристик, воплощенность в языковых фактах.

По определению Ю.С. Степанова, «концепт – это как бы сгусток культуры в разуме человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов 1997: 41). Он также утверждает, что, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях даже влияет на нее, концепт влияет через посредство языка на ментальную сущность человека. Ю.С. Степанов называет концепт «пучком представлений, понятий, знаний, ассоциаций,

переживаний, который и сопровождает слово». Вместе с В.Н. Телией он склонен считать, что концепты не только мыслятся, но и переживаются внутри людей. Концепт – это основная ячейка в ментальном мире человека.

Методологически важными мы считаем рассуждения Ю.С. Степанова о структуре концепта. Концепт, по его мнению, включает в себя такие компоненты, как: «1) основной, актуальный признак; 2) несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже не актуальными; 3) внутреннюю форму» (Степанов 1997: 44). Первый компонент – основной, актуальный признак концепта – значим, «известен» всем носителям того или иного языка, той или иной культуры. Выраженный вербально, он – средство коммуникации представителей определенной этнической общности, нации, народа, народности. В отличие от него, второй компонент – дополнительный, пассивный признак (или дополнительные, пассивные признаки) концепта – обнаруживает свою актуальность далеко не для всего этноса; он, если так можно выразиться, доступен для представителей определенной социальной группы, для конкретного микросоциума. И, наконец, третий компонент концепта – этимологический признак или внутренняя форма.

Самые важные концепты имеют языковое выражение. Понятие «концепт» широко используется в семантических исследованиях при описании семантической структуры языка, поскольку значения языковых единиц приравниваются к выражаемым в них концептам или концептуальным структурам. Однако представляется более перспективным направление в семантике, которое придерживается идеи о противопоставленности концептуального уровня семантическому (языковому), концепта – семантике языкового знака. Для нас существенным является определение значения слова как «концепта, связанного знаком», данное М.В. Никитиным (1974, 6).

Возможность существования и употребления слова может осуществиться лишь при взаимодействии значения слова, его звуковой формы и формы внутренней, представления, которое «есть известное содержание нашей мысли, ...форма, в какой чувственный образ входит в сознание» (Потебня 1976: 465-466).

Вербально оформленные концепты, в отличие от нелексикализованных, более доступны исследователю. Изучение сущности вербализованных концептов предполагает применение метода этимологического анализа, поскольку принципиально релевантны его «исходная форма» (термин Ю.С. Степанова), момент ее зарождения и последующего становления в человеческом сознании.

Если применение метода этимологического анализа приоткрывает занавес тайны первых шагов жизни концепта, т.е. его исследование в диахронической плоскости, то использование, например, ставшего традиционным и эффективным во второй половине XX столетия метода компонентного анализа в его различных вариациях может оказаться полезным при изучении сущности концепта в синхронии. При изучении концептов в синхронии лингвокультуры, безусловно, эффективными являются также и традиционные психолингвистические методики, позволяющие «срезать» тот фрагмент языкового сознания современных носителей языка. Применение подобного рода методов помогает установить «скрытые» признаки концепта - его ассоциации. Данные методики незаменимы, в особенности при межкультурном исследовании концептов, признаваемых эквивалентными в разных лингвокультурах. Полезным может оказаться также использование данных разноязычных ассоциативных словарей, представляющих собой срез знаний и оценок среднестатистической языковой личности конкретного этноса.

Заметим, что современная практика изучения концептов (Гачев 1988; Толстая 1991; Голованевская 1997 и др.), показывает эффективность использования лингвокультурологами данных из области смежных с

языкознанием наук - истории, политологии, этнографии, социологии и др. Однако еще А.А. Потебня в своих работах утверждал, что в слове сконцентрированы жизнь и история народа.

Большинство исследователей также считают, что концепты не обязательно выражены вербально. Утверждается, что они, как правило, оязыковлены, но их вербализация не обязательна (Вежбицкая 1997: 294-315; Карасик 1997: 157; Ляпин 1997: 11-35; Стернин 1999: 69-79 и др.). Сами техники их вербализации могут быть различными: однословная, словосочетательная, предложная номинации.

Ознакомление с когнитивно и лингвокультурологически ориентированными работами позволяет заметить предпочтительность выбора для анализа лексикализованных (Арутюнова 1991: 7-23; Бабушкин 1996; Вежбицкая 1999; Прохвачева 1999 и др.) и фразеологизованных (Бабушкин 1996; Гак 1991: 24-31 и др.) концептов. Вместе с тем концепты могут вербализоваться и грамматически (Болдырев 1999: 62-69; Вежбицкая 1996: 44-51). Обращение ученых к фразеологизованным и, в особенности, к лексикализованным концептам объясняется, на наш взгляд, характером корреляции понятий, идей и оформляющих их знаков. Концепты, вербализованные лексически, обнаруживают непосредственную корреляцию обозначаемого и обозначающего.

А. Вежбицкая, анализируя проблему соотношения понятий и слов их лексикализирующих, отмечает важность знаковой оформленности человеческих идей, мыслей, понятий. Она пишет: «Но почему присутствие тех или иных слов столь важно? Нельзя ли, чтобы люди обладали понятиями без слов? Разве в языке нет скрытых категорий! Скрытые категории, конечно, есть, и понятия могут существовать даже и без представляющих их слов. Но, во-первых, наличие слова (отдельной лексической единицы) служит прямым свидетельством существования понятия, а при его отсутствии имеются, в лучшем случае, лишь косвенные свидетельства. Во-вторых, при человеческом общении недостаточно

«обладать» понятием, важны также средства передачи его другим людям (даже при предположении, что возможно обладать понятием, не имея средств для его передачи). Для некоторых понятий такая передача возможна с помощью описательных конструкций или парафраз; для других, однако, необходимо иметь прямое лексическое выражение» (Вежбицкая 1997 в: 294).

Понятия, концепты в разных языках и культурах обычно не совпадают. Иначе говоря, в каждом языке для понятий характерна своя специфика.

Фиксация и когнитивно-культурологического анализа концептов как объектов научного изыскания принципиально предполагают изучение семантического (в широком смысле слова) континуума посредством применения соответствующих лингвистических, социо- и психолингвистических методик. Другими словами, концепты, «прописанные» в языковом сознании человека, можно вычленивать, распределить как семиотические феномены. Во-первых, применение существующих научных методов позволяет более или менее адекватно интерпретировать лежащие как бы на поверхности (в силу своей вербализации!) человеческого сознания феноменологические субстанции. Во-вторых, анализ оязыковленных смыслов для их толкования абсолютно необходим, но, скорее всего, недостаточен, поскольку не всякая мысль, идея вербализована в конкретной культуре на уровне знака. Отсюда следует необходимость изучения неязыковленных, мы бы сказали - «спрятанных» от взора невооруженного специальным прибором (=методикой) человека смыслов, в действительности имеющих место в той или иной культуре.

Трансформируемые в культурные концепты понятия в их первичной форме существуют в человеческом сознании как некий диффузный, размытый, недостаточно четко схваченный языком «сгусток смысла» (термин Ю.С. Степанова; см.: Степанов 1997а: 42), интуитивно

осознаваемый его продуцентом-носителем. Невербализованные понятия и концепты реально «живут» в имплицитной форме в самом общении людей на уровне различных скрытых языковых категорий. Отсутствие же зафиксированных языком идей, мыслей, безусловно, значительно затрудняет успешное изучение природы понятий и концептов. Их вычленение из текста (термин понимается в его расширительном варианте) или дискурса связано с многочисленными сложностями, которые хорошо известны всем тем, кто пытался дать глубокий, всесторонний (т.е. учитывающий все аспекты рождения, существования, синхронного и диахронического функционирования и т.п. того или иного «текстового полотна») анализ или интерпретацию текста как носителя, хранителя и распространителя смыслов, идей.

Другая проблема, широко дискутируемая в когнитивной лингвистике, - это вопрос о классификации концептов.

Так, авторы дискурсной классификации концептов кладут в ее основу принцип способов освоения мира - научный, художественный и обыденный (см.: Аскольдов 1997: 268-276; Карасик 1997: 156-158): Следовательно, можно выделить в отдельный тип научные, художественные и обыденные концепты.

Предложение рассматривать концепты с точки зрения их эксплуатации в том или ином типе текста (дискурса) в косвенной форме было высказано еще С.А. Аскольдовым (1928 г.). Оно продуктивно и безусловно полезно в теоретическом отношении для когнитивной науки, когнитивной лингвистики, литературоведения (и в частности поэтики), в целом - филологии. Данная дискурсная классификация строится на противопоставлении логической четкости познавательных и расплывчатости художественных концептов. С.А. Аскольдов пишет: «Самое существенное отличие художественных концептов от познавательных заключается все же именно в неопределенности возможностей. В концептах знания эти возможности подчинены или требованию

соответствия реальной действительности, или законам логики. Связь элементов художественного концепта зиждется на совершенно чуждой логике и реальной прагматике художественной ассоциативности. Нельзя сказать, чтобы в этой ассоциативности не было закономерности и требовательности. Но они все же не укладываются ни в какие правила и представляют в каждом отдельном случае особую индивидуальную норму вроде нормы развития музыкальной мелодии» (Аскольдов 1997, с. 275). Утверждение об индивидуальности как важнейшей фундаментальной черте, свойстве художественных концептов, вербализуемых в творческих текстах, и об общности познавательных или, как пишет автор цитаты, «научных» концептов можно, вероятно, считать в современной науке уже аксиомой.

Суждения С.А. Аскольдова об отличиях художественных и научных концептов вряд ли могут вызывать какие-либо принципиальные возражения со стороны современной науки. «Слово в художественном творчестве и восприятии, - утверждал С.А. Аскольдов, - имеет существенно иную роль, чем в познании. Там оно исполняет по преимуществу номинативную или дефинитивную функцию, т.е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно простой знак, или средством логического определения, тогда оно научный термин. В этой роли оно имеет мало или никакого внутреннего сродства со своими внутренними смыслами. В искусстве оно большей частью символ, т.е. нечто, имеющее внутреннюю органическую связь со своим значением» (Аскольдов 1997: 276).

Концепт, имея трехкомпонентную структуру, предполагает различную степень реализации признаков (понятия, образа и оценки) в различных типах коммуникации (дискурсах) - научном, художественном и бытовом.

В настоящее время понятия «текст» и «дискурс» рассматриваются в лингвистике дифференцированно, однако, полемика в связи с

определением каждого из них ведется до сих пор (Кубрякова, Александрова 1999). Становление в лингвистике коммуникативно-деятельностного подхода привело к признанию амбивалентности феномена употребления языка и позволило рассматривать его либо как процесс, либо как результат. Термин «дискурс» стал последовательно использоваться для обозначения объекта исследования в рамках процессуально-деятельностного описания языковой коммуникации, в фокусе которого находится активный субъект общения. Понятием «текст» чаще стали оперировать в текстоцентрических описаниях коммуникативных единиц, рассматривающих употребление языка как законченный результат коммуникативной деятельности человека и ограничивающих объект анализа рамками самого текста (Цурикова 2000: 110). Признавая все многообразие терминов «текст» и «дискурс», остановимся на том, что текст представляет собой «произведение речетворческого процесса» (Гальперин 1981), т.е. является единицей речи, требующей выполнения таких действий, как порождение и восприятие. Текст рассматривается как коммуникативное событие, отражающее интенции его автора по отношению к интерпретатору и совершающееся в определенной ситуации. Это положение позволяет исследователю экстраполировать на лингвистический анализ текста основные положения, методы и приемы теории дискурса, изучающей речевую деятельность с позиций современной когнитивной науки, дополнив ими принципы описания лингвистики текста.

Вслед за Н.Д. Арутюновой, дискурс понимается нами как связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами (Лингв.энц.сл., 1990).

«Дискурс существует, прежде всего, в текстах, но таких, в которых встает особый лексикон, особые правила словоупотребления, особая семантика, в конечном счете - особый мир» (Степанов, 1995).

Ю.Н. Караулов и В.В. Петров считают, что дискурс - «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» (Караулов, Петров 1989: 8), таким образом, актуализируются признаки вербализованных концептов.

Использование концепта в разных культурно обусловленных ситуациях, по всей видимости, дает основание говорить о его «вариабельности», а если точнее - об определенной нестабильности периферийной части этого понятия. Известная вариабельность концептов, однако, не исключает наличия в них неких универсальных структур, служащих мостиками между знанием, сознанием и человеческой культурой. Эти структуры, по утверждению О.П. Скидан, фиксируют специфическую предметность и способы ее бытия. Их, по мнению О.П. Скидан, следует назвать категориальными структурами. Последние выполняют роль фиксаторов предметности в ее собственной и идеальной форме, а также способов бытия этой предметности (Скидан 1997: 45).

Концепты могут типологизироваться и социологически. Так, Д.С.Лихачев все концепты классифицирует на следующие группы: универсальные («смерть», «жизнь»), этнические («отчизна», «интеллигенция»), групповые («сцена» для актера и зрителя), индивидуальные (они полностью зависят от личного опыта, системы ценностей, культурного уровня конкретного человека) (Лихачев 1997: 284-285).

Классификация концептов Д.С. Лихачева строится на социологическом критерии, суть которого заключается в охвате той или иной идеи, мысли, концепта определенного количества людей. Обладание тем или иным концептом зависит от такого культурологического фактора, как система предпочтений, ценностей целых этносов, формирующих их стратов (социальных групп) и, наконец, конкретных индивидуумов, владеющих в той или иной степени самой культурой. Именно от степени

владения культурой, т.е. уровня образованности, воспитанности, интеллигентности, зависит концептосфера конкретного человека.

Развивая мысль Д.С. Лихачева об особенностях обладания языковой личностью концептами, отметим, что само толкование, глубина интерпретации концепта (как правило, вербализованного смысла, живущего в культуре) в значительной степени зависят не только от индивидуальных рефлексивных способностей конкретного индивидуума, но и от его принадлежности к тому или иному социуму или даже к микросоциуму, от его возраста и некоторых других характеристик человека. Иначе говоря, проникновение в глубинный пласт концепта как когнитивно-культурного конструкта детерминировано спецификой в целом самого определенного временными рамками социокультурного пространства, в котором пребывает человек.

Важнейшей характеристикой содержания сознания как средоточия человеческих представлений, идей о том или ином фрагменте бытия (помимо национальной окрашенности) следует признать ее хронопространственную лабильность. Концептосфера - не застывшая семиотическая система - не обязательно устойчива, а, напротив, принципиально изменяема во времени и пространстве той или иной этнической культуры. Ее сегменты, концепты «привязаны» не только к конкретной этнической общности, но и к конкретным социальным группам.

Другими словами, концепт есть некая идея, фрагмент общей человеческой культуры, «живущий» в сознании как целых народов, отдельных этносов, так и отдельных социальных групп и, более того, конкретных индивидуумов. Отсюда, как кажется, легко формулируется глобальная задача диахронического исследования существования, эволюции концептов в человеческой цивилизации, в ее отдельных этнических и интерэтнических, т.е. родственных, культурах (например, восточнославянской и западнославянской и т.д.). Сопоставительный

анализ концептосфер разных культур позволяет уже сегодня со всей очевидностью увидеть особенности развития национально-специфического сознания человека, зафиксировать в частности и в особенности, отраженные на вербальном уровне сходства и отличия мыслительной деятельности того или иного народа, специфику его ментального мира, национального характера.

Анализ концептосфер немислим в отрыве от их носителей, являющихся, по меткому и весьма удачному замечанию Д.С. Лихачева, не только культураносителями, но и непременно языконосителями (Лихачев 1997: 282-283). С учетом существующих на сегодняшний день исследовательских методик необходимым и возможным при изучении концептосфер представляется обращение ученых к анализу языка, отражающего, перерабатывающего, классифицирующего и квалифицирующего результаты человеческой деятельности - мысли, идеи, дух. Изучение доступных для рефлексии знаковых форм существования понятийной системы позволит, таким образом, более глубоко распределить сущность человека в ее самых различных ипостасях.

Если в концепте сфокусировано понятие, т.е. представления, знания человека об определенном явлении мира, то вполне закономерна их трансформация во временном континууме. Оязыковленный концепт, базирующийся на представлении, понятии и возникающий благодаря существованию последних в сознании, по мере погружения в культурное пространство конкретного этноса приобретает как когнитивный элемент дополнительные вторичные признаки - образ и оценку.

Антропоцентрическая устремленность многих современных исследований, изучение лексических единиц на материале текстов разных стилей и жанров (публицистического, экономического, художественного и др.) позволяют представить себе активно протекающие изменения в менталитете современной языковой личности, в ее картине мира, ценностных ориентациях, в этнокультурном и социокультурном

пространстве, а также в стилевой структуре того или иного языка и закономерностях его лексической организации.

Таким образом, жизнь, судьба слова как носителя концепта детерминирована прежде всего различными экстралингвистическими факторами (строением культуры, особенностями исторического развития общества, его традициями, обычаями, в целом - менталитетом конкретного этноса).

Определенное, но, вероятно, не определяющее значение при этом имеют лингвистические факторы, например, асимметрия языкового знака, тенденция к единообразию определенных языковых парадигм и т.д. и другие факторы: причины развития нашего языкомышления (термин Г.В.Колшанского. - Колшанский 1990: 37), которые способны развивать сам концепт (ср., например, словообразовательные возможности языка). Достаточно вспомнить многочисленные распространенные способы вторичной и косвенной номинации в языке (метонимия, метафора, функциональные переносы), в том числе и образной, чтобы хорошо представить себе сам путь полета человеческой мысли, обусловленный определенными как универсальными, так и национально-специфическими способами функционирования нашего языкового сознания, мышления.

Итак, концепт культурно и национально обусловлен, вербализован лексически и фразеологически, то есть это национально-специфическое "перцептивно-когнитивно-аффективное образование" (Залевская 1999: 39), "планом содержания которого является вся сумма знаний о данном объекте, а планом языкового выражения - совокупность лексических, паремических, фразеологических единиц, номинирующих и описывающих данный объект" (Панченко 1999: 5).

Публицистический текст, как никто другой, особенно динамично отражает социальные и культурные изменения в обществе. В советское время, к примеру, доминирующей в газетах была возвышенно-

торжественная тональность. Общее направление развития языка газеты в тот период – сильнейшая идеологизация, политизация языка.

В период перестройки произошло резкое обновление языка газеты. Отмена цензуры, идеологических табу, строгих стилевых установок привели к раскрепощению традиционно нормированного газетного языка. Общее направление изменений можно определить как демократизация языка СМИ. Язык перестройки – это новый стиль выражения, характеризующийся свободой мышления и выбора языковых средств, отказом от стереотипов. Резко расширяется газетный лексикон. В него вливается разговорная речь, язык улицы, жаргон. Публицист периода перестройки – это свободно мыслящий человек, выступающий от собственного имени, защищающий идеалы прогресса, демократии, реализующий себя в свободной, эмоциональной речи, по возможности лишенной штампов (особенно штампов предшествующего периода).

За последние несколько десятков лет публицистические тексты претерпели заметные сдвиги в плане снижения декларативности, расширения содержательного и, соответственно, языкового диапазона, усиления аналитичности, интеллектуальной насыщенности и влияния научного стиля; в плане дальнейшего сближения с повседневной жизнью народа и усиления влияния разговорного стиля, общего повышения содержательно-коммуникативной ценности слова.

Очень хорошо заметна в языке современных «качественных» газет тенденция к усилению информативности, что наиболее ярко выражается в эволюции системы газетных жанров и заголовков.

Обращает на себя внимание редкое использование, если не исчезновение со страниц газет таких жанров, как очерк, фельетон, передовая статья. Редко встречаются в «чистом виде» статья, корреспонденция. Их заменяют газетные жанры, в которых резко усиливается информационное начало. Жанровые перегородки упраздняются, происходит заметная эволюция системы жанров и их

синтез. Очевидно, что в формируемых жанрах резко усиливается, с одной стороны, тенденция к информативности, с другой стороны - личностная тенденция.

Усиление информативной направленности в заголовках проявляется в принципиальной замене назывных заглавий глагольными. В результате происходит как бы обнажение, усиление информативной функции.

В структуре российской журналистики 90-х годов выделился особый тип изданий, ключевой темой которых стала политика, а главным действующим лицом, адресатом – политик, бизнесмен, олигарх, депутат. В массе изданий легко просматриваются несколько групп. Прежде всего, это информационно-аналитические ежедневные газеты, например «Коммерсант», «Ведомости», «Российская газета» и др. Вторую группу образуют информационно-аналитические еженедельники: «АиФ», «Советская Россия», «Комсомольская правда» и т.д. Третью группу составляют газеты и журналы, специализирующиеся в отдельных областях политики: «Известия», «Парламентская газета», «Труд» и др.

Говоря об особенностях прессы, следует также отметить, что с развитием политических структур первоначальный хаотический спрос на данную информацию начал трансформироваться в осмысленную потребность. Речь идет о поставке такой информации, которая способствует принятию политиками продуманных решений, как стратегических, так и практических. А это значит, что она должна быть достоверной, лаконичной и практически применимой. И еще одно неперемное условие эффективности такой информации: любому политику нужны не публицистические рассуждения журналистов, а оценки компетентных специалистов, простых граждан. Роль журналиста сводится к грамотной организации сбора, систематизации, а также к структурированию информации.

В газетных статьях происходят активные процессы общезыковой адаптации значительной части ранее узкотерминологической лексики и словосочетаний.

Каждое время имеет некоторый набор слов, которые, в силу сложившихся обстоятельств, становятся модными, широко и разнообразно употребляемыми. Это своеобразные «знаковые» слова эпохи. Большую роль в их распространении играют СМИ, создавая речевую среду, в которой задаются эталоны, нормы. Таких слов немного, но они звучат навязчиво, контекстуально широко: политтехнолог, политтехнологии, политсубъекты, политкорректность и др.

Задачи оптимизации речевой коммуникации, ориентация на массового адресата для его политпросвещения и развития способности соотносить с учетом своих жизненных интересов и потребностей разные политические программы породили и своеобразную конкуренцию способов выражения, «борьбу» за читателя. Выразительность в публицистических текстах создается в основном за счет намеренной, иногда «утрированной» экспрессивности. Автор старается выбирать такие средства для эмоционального воздействия на адресата, которые должны найти запрограммированный отклик в его душе, вызвать в ней переживание, а следовательно, создать стимулы к действиям в определенном направлении. В публицистике часто используется метафорическое переосмысление специальной лексики. Метафоричность специальных слов достигается за счет потери их терминологичности, происходящей в несвойственном им тематическом окружении. В текстах по политическим вопросам функционирует лексика медицины, спорта, военной сферы, юриспруденции и т.д.

В нашей работе мы будем опираться на определение концепта, предложенное Е.С. Кубряковой и В.Н. Телией. Концепт – «информационная структура, которая отражает знания и опыт человека, всю картину мира, процессы познания мира» (Кубрякова); «отражает не

просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности..., все то, что мы знаем об объекте во всей экстенции этого знания» (Телия 1996).

В работе мы соотносим термин «концепт» и термины традиционной лингвистики «понятие» и «лексическое значение слова». «Значение и понятие имеют одну и ту же – отражательную природу. Различают бытовые и научные понятия. Научное понятие включает в себя все знания о предмете, а бытовые минимум этих знаний, необходимый для выделения и распознавания предмета. Значение слова совпадает с бытовым понятием. Значения слов входят в язык, а научные понятия находятся за его пределами, относятся к разным областям науки. Языковые значения образуют языковую, а научные понятия – научную, концептуальную, понятийную картину мира» [Ю.В. Фоменко].

Принимая положение о том, что ЛЗ – это наивное понятие, полагаем, что целесообразно считать лексическое значение слова ядром концепта, в котором выражены главные, центральные содержательные признаки концепта.

Итак, наше диссертационное исследование посвящено изучению концепта «политика».

С одной стороны, концепт «политика» является культурной константой (Ю.С. Степанов), постоянно присутствующим, относительно устойчивым ментальным образованием. Идеальные смыслы концепта «политика» опредмечиваются словом «политика», декодируются в его определениях, представленных в выведенных (на основе словарных дефиниций и данных антропологии) формулах лингвокультурной информации. С другой - концепт «политика» также один из важнейших «социокультурных» концептов: он имеет древнее происхождение и занимает не последнее место в современной русской языковой картине мира, наглядно отражая общественные процессы, происходящие в стране, эксплицируя ценностно-эмоциональное отношение к ним носителей языка,

а также содержит социолингвистическую специфику, характерную для русского понимания политики.

Актуальность работы заключается в том, что она выполнена в русле современных исследований когнитивной лингвистики, посвященных языковой репрезентации важнейших ментальных величин - концептов с их национальной социокультурной обусловленностью. Актуальность работы определяется также недостаточной изученностью таких проблем социолингвистики и функциональной семантики, как проблема описания политической концептосферы и ее отражения в русской языковой картине мира. Политика в последние десятилетия становится центральным понятием для русского человека. Это обусловлено частыми изменениями в политической картине России, интересом большинства россиян к политической обстановке в стране. Играя такую серьезную роль в современном обществе, концепт «политика» находит множественное воплощение в языковой семантике и коммуникативной деятельности, выделяется, в частности, политический дискурс, однако специфика существования концепта «политика» в наивном языковом сознании и системное описание признаков концепта «политика», по нашим данным, еще не проводилось.

Объектом ее исследования является концепт «политика» в русской языковой картине мира.

Предметом изучения служат языковые средства вербализации концепта «политика» в русской языковой картине мира.

Целью настоящего исследования можно считать структурирование при помощи описания концепта «политика» в русской языковой картине мира и газетно-публицистическом дискурсе, а также определение его основных специфических характеристик в современном обществе.

Данная цель преследует следующие **задачи**:

- 1) охарактеризовать концепт «политика» как категорию социолингвистики;

- 2) дать историко-этимологическую и структурно-семантическую характеристику слова «политика» в русском языке;
- 3) описать лексико-семантические особенности слова «политика» в русском языке (на материале словарей);
- 4) выявить системные связи ключевых слов концепта «политика» (на материале публицистики XX1 века);
- 5) выявить особенности функционирования ключевых слов концепта «политика» в языке средств массовой информации;
- 6) описать ассоциативное поле концепта «политика», опираясь на данные ассоциативного словаря и ассоциативного эксперимента.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней

1) конкретный социокультурный феномен - концепт "политика" впервые рассмотрен в аспекте таких языковых универсалий, как лексема (слово), система, текст, факторы функционирования и развития;

2) прослежена динамика ядерных и периферийных содержательных признаков концепта "политика" и семантико-функциональных особенностей в языке, в современной газетно-публицистической речи XX1 века, в частности, выявлены важнейшие тенденции в русской речи, обусловленных сменой ценностных политических ориентиров современного русского общества;

3) впервые проведен ассоциативный эксперимент, результаты которого значительно дополнили вербально-содержательную парадигму концепта "политика", расширили знания о специфике русского менталитета на современном этапе.

Теоретическая значимость определяется актуальностью исследования как в плане рассмотрения языкового материала, так и в методике его исследования, а также заключается в моделировании структуры концепта «политика» через его языковые парадигмы.

Практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что полученные результаты могут найти применение в теоретических

курсах по лексикологии, в спецкурсах по когнитивной лингвистике и политологии, а также на занятиях по русскому языку.

Материалом для исследования послужили лексикографические источники (16), выборки из газетно-публицистических текстов (более 800 словоупотреблений), данные, полученные в результате проведенного ассоциативного эксперимента (300 анкет).

В работе нашли применение следующие **методы**: описательный, концептуальный, психолингвистический (ассоциативный эксперимент), метод контекстного анализа, метод компонентного анализа, выявляющего структуру лексического значения и изменения в ней, анализ словарных дефиниций, элементы количественного анализа.

Для анализа материала использовались **приемы**:

- 1) сплошной выборки;
- 2) дистрибутивного анализа, применение которого служит диагностирующим показателем всех семантических и стилистических преобразований слова в тексте.

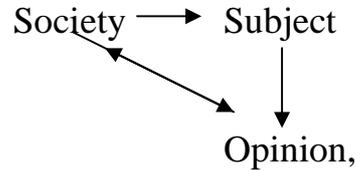
На защиту выносятся следующие основные **положения** диссертации:

1. Политика – это деятельность, где отчетливо проявляются языковая динамика, изменения в общественном сознании, ментальности носителей языка, активные процессы в современной лексике.

2. Концепт «политика» - один из важнейших *социокультурных* концептов: он имеет древнее происхождение и занимает не последнее место в современной русской языковой картине мира, наглядно отражая общественные процессы, происходящие в стране, эксплицируя ценностно-эмоциональное отношение к ним носителей языка, а также содержит социолингвистическую специфику, характерную для русского понимания политики.

3. Концепт *политика* организован на языковом (лексико-семантическом) уровне ядерными элементами (лексические единицы, в значении которых преобладают смыслы, представляющие данный

концепт) и периферийными (смыслы, принадлежащие к данному концептуальному пространству). Ядерные и периферийные признаки концепта *политика* отражает концептуальная схема:

где Society – общество, окружение,

Subject – субъект,

Opinion – мнение и оценка общества и субъекта.

4. Семантическое поле слова-концепта *политика* формируется как совокупность парадигматических, синтагматических и ассоциативных связей слов концепта.

5. Концептуальное пространство имеет сложную структуру, которую мы представляем в виде смысловых парадигм, эксплицирующих его смыслы: *политика – власть; политика – деньги; политика – война; политика – дело; политика – искусство; политика – оценка (положительная, отрицательная); политика – мнение (старшее поколение, студенты); политика – социум (окружение, реакция окружения); политика – конкретные лица.*

6. Политическая картина мира языковой личности современного россиянина имеет свою специфику и складывается из научных знаний и их дефиниций, из широкой области рациональных оценок, чувственных образов, эмоциональных переживаний, эксплицированных в метафорах: когнитивной (*политика сражается с экономикой*), оценочной (*больная политика*), эмотивно-окрашенной (*политика – театр, политика - орбита*) и др.

Апробация. Основные положения диссертационного исследования отражены в четырех опубликованных статьях. По теме работы было сделано два доклада: на Третьих Филологических чтениях НГПУ в 2003 году и в Новосибирской государственной медицинской академии на кафедре латинского языка в январе 2004 года. Ход и результаты исследования обсуждались на аспирантском объединении и на заседании кафедры общего и исторического языкознания НГПУ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии (которая насчитывает более 200 источников) и приложения.

ГЛАВА 1. Историко-этимологическая и структурно-семантическая характеристика слова «политика» в русском языке

§1. Слово «политика» в историко-этимологическом аспекте

Любая политическая культура отличается особым языком, специфической лексикой, формами и приемами общения, передачи словесной информации. Понятие *политика* появилось в эпоху античности (Гаджиева, Гудыменко 1995). Государственность в Древней Греции возникает в начале первого тысячелетия до нашей эры в форме самостоятельных полисов.

ПОЛИС — общество особого типа (греч. polis, по-видимому, более соответствует определению «городская (гражданская) община» или «гражданский коллектив»; рим. гражданская община — civitas). *Полис* представляет собой специфическую форму политической организации античного общества на определенной ступени его развития, в которой свободные граждане, монополизировавшие в своих руках владение землей, могли участвовать во всех формах демократической организации — в народных собраниях, судах, в принятии решений (Нерсисянц 1997).

С самого начала *полис* был аристократическим по своей природе, и лидерство в нем удерживали различные кланы знати. В результате исторического развития произошла дифференциация форм правления в различных городах, однако за всеми различиями в устройстве *полиса* можно разглядеть общий элемент - участие всех полноправных граждан в принятии решений. Различия касаются лишь более широкого (демократия) или более ограниченного (олигархия) характера этого участия, т. е. речь идет о том, кто из граждан и сколько их обладают полнотой прав. Очевидно, различию в строе соответствуют и различия в институтах. *Полис* представляет собой точку отсчета в теории и практике греческой политики вплоть до времен Александра Македонского.

Исторически *полис* возникает в результате естественного развития исторического процесса, в ходе разложения родо-племенного строя. Впервые он появляется сначала в Древней Греции ок. 800 г. до н. э., а затем, позднее, в древней Италии (просуществовал до 4 — 3 в. до н.э. в Греции, 2 — 1 в. до н.э.—в Италии). Пик расцвета античного *полиса* приходится на 5 в. до н. э. Понимание *полиса* выходит далеко за рамки своего времени, оно принадлежит к числу фундаментальных положений политической науки.

Без понимания природы *полиса* невозможно осмыслить историю античности, понять своеобразие, содержательный смысл производных от *полиса* понятий — «политика», «политический», «политик», роль и место политики в жизни человека, общества. Понятие *полис* в содержательном смысле исторически изменялось. Первоначально словом «*полис*», вероятно, обозначалось укрепленное место, цитадель; довольно долгое время в Афинах этим словом назывался акрополь. В момент своего появления на исторической сцене греч. *полис* мало чем отличался от таких разновидностей первобытного поселения, как кельтский *oppidum*, славяно-русское *городище* (град). В литературе достаточно широко распространена формулировка, определяющая *полис* как «город-государство» (*der Stadtstaat, the City state*), в смысле самостоятельного политического образования в виде города и его округа. Однако такая интерпретация *полиса* некорректна ввиду того, что древние не знали понятия государства и никогда не отождествляли *полис* с «городом-государством». Эта формулировка появляется в эпоху Средневековья и связана с переводом аристотелевской «Политики» на латинский язык, осуществленным в середине 13 в. нидерландским схоластом Вильямом ван Мербеком (1215 — 1286). Кроме того, трактовка *полиса* как города-государства неудачна и в том отношении, что она затушевывает содержательный смысл уникальности греческого образования, не выражает важнейших его конституирующих особенностей. Фукидид (древнегреческий историк,

живший в эпоху наивысшего расцвета афинского *полиса*) свидетельствует, что *полис* — это прежде всего люди, мужи, а не стены города и не корабли. *Полис* как явление и понятие занимал центральное место в работах античных теоретиков политики, где авторами давались разные объяснения природы *полиса*, а вместе с ним и производным от него понятиям — «политика», «политик». Все многообразие различных трактовок можно свести к двум основным позициям, представленным Платоном (427—347 до н. э.) и Аристотелем (384—322 до н. э.).

Платон связывает возникновение полисной жизни с инстинктом выживания и заинтересованностью людей в облегчении условий жизни, т. е. с *экономической* выгодой, поскольку отдельный человек вне сообщества себе подобных не может удовлетворять свои материальные интересы. У Платона *полис* выступает в виде большой семьи. Отношения в семье переносятся на отношения в *полисе*, управление которым осуществляют мудрецы (философы, являющиеся выразителями интересов людей). В идеальном его проекте полисной организации жизни власть философов выступает в виде подобия *воспитательной диктатуры*, при которой правящая элита определяет, чему быть, что такое *общественное благо* и т.п. Человек здесь — часть *полиса-государства*, что означает отсутствие у него прав на самостоятельный выбор решений по своему жизнеустройству. Политическая жизнь, описанная Платоном в «Государстве», трактуется как сфера преимущественно государственных дел, и поле политики ограничивается рамками преимущественно *государственного управления*. Исходное начало в *полисе*—свобода. Именно расширение личных свобод укоренилось в подавляющем большинстве греческого *полиса*. *Полис* стимулировал *общественную активность граждан*, и каждый член коллектива был на виду у остальных.

Аристотель, объясняя возникновение *полиса*, рассматривает человека в связи с миром, человеческими взаимоотношениями, спектр которых много шире и не сводится к физическому выживанию. Он начинает изучение

проблемы с исследования дополисных форм общности людей. Такой подход позволил ему не только выделить *семью*, селение — формы организации жизни людей, предшествующие *полису*, но и в целом достаточно определенно провести различие между социальной и политической заинтересованностью индивидов в полисной организации жизни. Аристотель не случайно относит *полис* к собственно *политическому образованию*, в котором *человек* реализует себя. Политический человек («политик») в *полисе* необычен, т. к. реализует себя именно в политической сфере, которая выступала для него средой едва ли не обыденной жизни. Политика является для такого рода индивида *родовой деятельностью*, естественной *сферой жизни*, *поиска лучшей жизни*. Наконец, в *полисе*, по Аристотелю, могут быть объединены только люди, обладающие определенными *качествами*, основным из которых является свобода.носителем полисной жизни объявляется у него «политический человек» (*zoon politicon*) — *свободный гражданин*, наделенный *правами* и *обязанностями*, самостоятельно решающий вопросы своего жизнеустройства на основе выбора из множества альтернатив. В соответствии с этим *политическое* Аристотель рассматривал как *результат деятельности людей*, а *политику*—как дело каждого свободного гражданина.

Таким образом, понятие *полис* принадлежало к одному из фундаментальных понятий древней философии, этики, истории, «политической науки». В смысловом содержании греческого слова *полис* наряду с государственным управлением, гос. право, обязанность, деятельность, дело, выявляются следующие основные семантические компоненты: ‘граждане’, ‘общество (государство)’, ‘свобода’.

Первоисточником же слова *политика* является греческое *politikos* — «государственная деятельность» или «гражданская, общественная деятельность».

Из греческого языка это слово пришло в латинский как прилагательное **politicus, -a, -um**: 1) касающийся государственных дел; 2) рассматривающий политические вопросы (Дворецкий 1976).

Следует отметить, что развитие термина *политика* имеет так называемый «карстовый» характер: он то исчезает, то появляется на арене европейской истории и цивилизации.

До повторного открытия сочинений Аристотеля (до XIII в.) этот термин почти полностью исчезает, а его первоначальный смысл в значительной мере включается в смысл слова "республика" (в соответствии с толкованием Цицерона последнее означает *res populi* 'дело народа', где *populus* ('народ') это "собрание множества людей, объединенных общими законами и общей пользой").

Когда вновь открытые сочинения Аристотеля были переведены Вильгельмом Мёрбеке с греческого на латинский, то он греческий глагол *politeushai* передает глаголом *politizare* — политизировать. Фома Аквинский калькирует выражение *politike episteme* с помощью словосочетания *politica scientia* — политическая наука или просто *politica*.

С наступлением Нового времени термин *политика* распространяется все быстрее, увеличивается его автономия по отношению не только к "*politeia*" (греч.), но и к термину "гражданский" (*civilis*), к которому ранее тяготело определение *politicus* "политический", словно оно являлось его точным синонимом. Употребление и существительного, и прилагательного становится все более частым. Однако значения обоих терминов далеки от определенности, и попытки уточнить их могли бы послужить веским доказательством тому, кто захотел бы защитить отнюдь не общепринятый и довольно необычный тезис, согласно которому "представления" о политике шли несколько позади "современной" европейской истории вместо того, чтобы задавать ей направление и даже непосредственно продуцировать ее (Семигин 1999).

Все быстрее идет процесс, в результате которого, как заметил философ Дольф Штернберг, *политика и политик* по сравнению со своими истоками утрачивают "в значительной мере свои отличительные признаки, а тем самым и нормативную значимость и окраску" (Нерсисянц 1997).

В русском языке слово *политика* (в значении «государственная власть»; «гражданская, общественная деятельность») появляется в Петровскую эпоху. Оно зафиксировано в произведениях Катошихина и Ф.Прокоповича. Например, у Ф. Прокоповича в «Слове», произнесенном в 1722 году по поводу заключения мира со Швецией: «Кто путь ему (Петру) к толь высокой *политике* показывал?» (см.: Черных 1994). Вероятнее всего, до 18 века синонимами этого слова были древнерусские *власть* (*сила, могущество; свобода, право; господство; управление; страна, волость, община*)(Срезневский 1989: 274) и *волость* «*власть; право; страна, находящаяся подъ одной верховной властью*» (Срезневский 1989: 293); «*территория, государство, власть*» (Фасмер 1986: 344).

В «Толковом словаре русского языка» проф. Д.Н. Ушакова представлены семь значений слова *политика*:

1) деятельность государственной власти в области управления и международных отношений; деятельность той или иной общественной группировки, партии, класса, определяемая их целями и интересами (*мирная, агрессивная, внешняя, внутренняя, культурная, финансовая, наша политика*);

2) общий характер, отличительные черты деятельности или поведения (государства, общественной группы, отдельного лица в той или иной области) (*недальновидная политика, твердая политика, разумная политика*);

3) перен. хитрость и уловки в отношениях с людьми, хитрый, уклончивый образ действий (разг.) (Например: *Я твою политику насквозь вижу*);

4) события и вопросы внутренней и международной общественной

жизни (*текущая политика, заниматься политикой, быть вне политики*);

5) революционная работа, участие в революционном движении (разг. устар.) (*посадили в тюрьму за политику*);

6) политические знания, политические предметы (разг. нов.) (*Он силен в политике*);

7) вежливое, обходительное обращение (простореч. устар.) (*Ни внутренней, ни внешней политикой захоластье не занималось и под словом «политика» разумело учтивое обращение (Горбунов)*) (Ушаков 1939: 522).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля слово *политика* фигурирует в 3-х значениях: 1) «наука государственного управленья»; 2) «виды, намѣренья и цѣли государя, немногимъ извѣстные, и образъ его дѣйстви при семъ, нерѣдко скрывающій первые». *Политика – тухлое яйцо*; 3) «вообще уклончивый и samotный образ дѣствий» (Даль 1994: 261).

Современный политологический словарь фиксирует такие значения:

- 1) программа, метод действия или сами действия, осуществляемые человеком или группой лиц для осмысления и решения проблемы перед сообществом;
- 2) сфера общественной жизни, где конкурируют или противостоят различные политические направления, личности или группы, имеющие свои собственные интересы и мировоззрение;
- 3) институты власти (правительство, партии, парламент, полиция и др.) и установлено с помощью конституции, кодификации в праве порядка и традиций, способ организации власти в обществе (см.: Даниленко 2000).

В современной социологии и политической науке принято считать (по данным политической энциклопедии Г.Ю. Семигина), что благодаря *политике* выявляются общие интересы участников политических объединений и партий, вырабатываются приемлемые для них правила поведения, осуществляется распределение функций и социальных ролей,

создается идеологическая программа со своим вербальным и символическим языком и достигается взаимопонимание между ними. Эффективность *политики* зависит от времени, конкретно-исторических условий, от господствующих в обществе идеологии, моральных и религиозных норм, уровня развития самого человека, его миропонимания и культуры. В современных обществах, для которых характерно разделение властей, политическая деятельность связана с принятием и проведением в жизнь решений людьми, наделенных полномочиями со стороны общества, для которого и от имени которого они принимаются.

В Большом толковом словаре русского языка у термина *политика* 4 значения:

1) деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями (*финансовая политика, политика мира*);

2) вопросы и события общественной, государственной жизни (*текущая политика, интересоваться политикой*);

3) образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми (*разг.*) (*хитрая политика у кого-нибудь, вести политику интриганства, политика кнута и пряника, страусовая политика*);

4) *разг.* революционная или подрывная деятельность, участие в антиправительственных выступлениях (*замешан в политике, сидеть за политику*) (БТСРЯ 1998: 902).

Итак, анализ слова «*политика*» в лексикографических источниках позволяет обозначить следующие содержательные признаки данного понятия: наука и искусство жить в обществе, руководить им, управлять людьми. Она включает в себя:

— деятельность органов власти, объединений граждан и отдельных лиц в сфере отношений между государствами, классами, нациями, большими группами людей, направленную на реализацию своих интересов и связанную с устремлениями к завоеванию, обладанию и использованию политической власти (*международная, российская, американская, чеченская политика; политика президента, политика Багдада* и т.д.);

— участие в делах государства, определение форм, задач, содержания его деятельности (*идти в политику, заниматься политикой, антимонопольная политика* и т.д.).

Кроме того, она включает в себя совокупность политических идеалов, идеологий, доктрин и морально-этических ценностей, политические ориентации и установки человека, его пристрастия и опыт. Субъектом политики может быть индивид, группа, нация, народ, цивилизация. Любая сфера общественной жизни (труд, быт, средства массовой информации, государство и партии) в той или иной степени сопряжена с политикой.

§2. Лексико-семантические особенности слова «политика» в русском языке (на материале словарей)

Слово – уникальная семантическая структура, состоящая из иерархически организованных компонентов, находящихся в динамическом равновесии. В различных контекстных условиях соотношение этих семантических признаков меняется: одни актуализируются, выдвигаются в центр, другие затухают, удаляясь на периферию значения. Наблюдается определенная подвижность семантических признаков, которая и мотивирует существование первичных и вторичных значений, их оттенки (Стернин 1985).

Так как содержание слова включает лексический, грамматический, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты, между непосредственно связанными словами устанавливаются отношения лексико-семантического, грамматического, эмоционально-оценочного и стилистического согласования.

Одним из первых авторов, заговорившим о семантическом согласовании, является Л.В. Щерба, писавший в 1931 году о «правиле сложения смыслов». Неоспоримый вклад в изучение этой проблемы внесли В.Г. Гак, И.А. Стернин, М.В. Никитин, Г.В. Колшанский и др. «Основной закон семантического сочетания слов сводится к тому, что для того чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему – классему, которая осуществляет связь на расстоянии» (Гак 1971: 373-375). Ю.В. Фоменко полагает, что в такой функции может оказаться любая сема, любой «связующий семантический компонент» (2001: 41).

Ядерные семы извлекаются из языковой парадигматики, а периферийные – из речевой синтагматики. К числу периферийных сем можно относить только те кванты информации о предмете, которые могут быть извлечены из нормативных контекстов, из лексической дистрибуции слова.

Сочетаемость слова – это способность его синтагматических свойств, принадлежность которых слову характеризует его как определенное свойство. Сочетаемостным особенностям слова посвящены работы В.Г. Гака, Б.Н. Головина, И.А. Стернина, М.М. Копыленко, Ю.В. Фоменко и др.

Сочетаемостные особенности слова тесно связаны с соотношением в нем грамматического и лексического значений. Лексико-семантические свойства слова имеют прямую взаимосвязь с местом слова в грамматической системе языка. С другой стороны, и лексическое значение влияет на грамматическую парадигму слова, так как ее грамматическое значение непременно должно быть совместимо с лексическим.

Именно в контексте проявляется тесная связь грамматического и лексического значений. Вне контекстуального оформления слово передает неопределенную информацию и имеет только потенциальное значение. В определенном же контексте, в сочетании с конкретными группами слов реализуется конкретное значение слова. Сочетаемость – одна из важнейших показателей значения слова, а не само значение.

Существуют два вида сочетаемости слов – отражательная и традиционная. Отражательная сочетаемость обусловлена реальными связями реальных предметов, действий, признаков и т.д. «Контекстуальные законы сочетания слов являются в итоге лишь отображением реальной сочетаемости и связи предметов, свойств и качеств» (Колшанский 1980: 104). Традиционная сочетаемость предметно-логически не мотивируется и определяется только языковой традицией.

Принято различать лексическую, грамматическую, стилистическую и эмоционально-оценочную сочетаемость лексических единиц. Лексической - является способность слова как лексемы сочетаться с другими словами (лексемами), совокупность его лексических валентностей. Определение лексической сочетаемости – это определение круга слов, сочетающихся с ним в связной речи, и условий реализации сочетаний.

Синтаксическая и лексическая сочетаемость по-разному зависят от значения слова: синтаксическая - от общих семантических признаков, связанных с частеречной принадлежностью слова (связующее звено одних разрядов или форм слов с другими разрядами или формами, обеспечивающее грамматическую правильность речи), а лексическая – от конкретных семантических признаков слова, от его индивидуального лексического значения, от структуры этого значения, от семантического фактора.

Допускается сочетаемость, обусловленная денотативными, коннотативными, а также структурно-языковыми факторами. Лексическая

сочетаемость зависит от общих закономерностей, которые существуют в языке, и от частных, связанных семантикой конкретного слова.

Семантическая сочетаемость ведет нас к семной структуре слова. В.Г.Гак считает, что значение слова обладает иерархической организацией, в которой выделяются три типа сем: архисема (общая сема родового значения), отражающая признаки, которые свойственны целым классам объектов, дифференциальные семы видового значения и потенциальные семы, выражающие побочные и возможные характеристики денотата (Гак 1971: 80).

Как известно, существуют слова со свободными и слова со связанными (фразеологически связанными) значениями. Сочетаемость любого слова является ограниченной. Но между свободными и связанными словосочетаниями – разница не количественная, а качественная: сочетаемость слов в свободных словосочетаниях ограничена факторами внеязыковыми, предметно-логическими. А сочетаемость слов в связанных словосочетаниях ограничена факторами чисто языковыми, точнее – языковой традицией.

Типы сочетаемостных различий многообразны и могут быть исчерпаны только в словаре (Апресян 1995). Словари же, по существу, – извлечения из текстов наиболее регулярных лексических фактов, упорядоченных в зависимости от назначения словаря (Плотников 1971).

Лексикографические источники определяют термин *политика* в нескольких значениях. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой указано три значения этого слова: 1) ‘деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями’. Например: *политика мира; финансовая политика*; 2) ‘вопросы и события общественной, государственной жизни’. Например: *текущая политика*;

интересоваться политикой; 3) ‘образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми’ (разг.). Например: *хитрая политика у кого-нибудь* (ТСРЯ 1997).

В политической энциклопедии Г.Ю Семигина указано, что в самом широком смысле *политика* понимается как наука и искусство жить в обществе, руководить им, управлять людьми.

Политика – универсальный феномен на всех уровнях и поэтому распространяется на все многообразие субъектов и форм социальных отношений (Семигин 1999).

В большом энциклопедическом словаре слово *политика* (греч. *politike* государственные или общественные дела < *polis* государство) трактуется как: 1) ‘сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными группами, сутью которой является определение форм, задач, содержания деятельности государства; внутренняя политика охватывает основные направления государства внутри страны; внешняя политика охватывает сферу отношений между государствами’; 2) ‘планомерная совокупность действий государственной или иной власти, направленных на достижение какой-либо цели в обществе, отношений между государствами, внутри группы людей, предприятия и проч.’; 3) ‘вопросы и события общественной, государственной жизни’; 4) разг. ‘образ действий, направленных на достижение чего-либо, определяющих отношения между людьми’.

Анализ лексико-семантической валентности слова *политика* на материале «Словаря сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина представляет следующие результаты.

Слово *политика* в первом значении «деятельность органов государственной власти, государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, определяемая их интересами и целями» сочетается с именами существительными, именами

прилагательными и глаголами, в которых раскрываются различные стороны, направления, качества политической деятельности.

Нами выделены модели сочетаемости с именами прилагательными:

1) политика какая? (сфера деятельности): *внутренняя, внешняя, экономическая, финансовая, национальная политика;*

2) политика какая? (время и направление политики как деятельности): *новая политика, старая политика, современная политика, мирная политика, авантюристическая политика, последовательная политика;*

3) политика какая? (качества, оценка деятельности): *политика твердая, решительная политика, правильная политика, разумная политика, осторожная политика, (не) дальновидная политика, агрессивная политика, захватническая политика, мудрая политика, странная политика, миролюбивая политика.*

Часты сочетания слова *политика* с именами существительными.

1) конкретные существительные агентивной семантики:

политика *чья?* президента, правительства

политика *чего?* партии, страны, блока.

2) с отглагольными существительными.

В них отражаются различные конкретные направления и стороны политической деятельности:

политика *чего?* мира, мирного сосуществования, нейтралитета. В этой модели реализуются атрибутивные словосочетания.

Модель, в которой слово *политика* реализуется как несогласованное определение и является эквивалентом слова *политический*:

курс политики (политический курс),

вопросы политики (политические вопросы),

задачи политики (политические задачи),

цель политики (политические цели),

роль политики (политические роли),
успех политики (политический успех),
направление политики (политическое направление),
значение политики (политическое значение) (Денисов, Морковкин, 2001).

В первую очередь нужно отметить, что словарь отражает сочетаемость слова *политика* с одушевленными именами существительными со значением «лица» (*политика* кого? - *президента*) и неодушевленными, представленными определенными и весьма четкими лексико-семантическими группами (*политика* чего? - страны).

Слово *политика* сочетается с указанными выше именами существительными в родительном, винительном и творительном падежах в своем первом значении.

Наиболее употребительны модели:

а) с именами существительными

- отглагольного действия для выражения способа и характера политической деятельности:

политика насилия, нажима, невмешательства, разрядки;

- территориальной принадлежности: *политика области, страны, региона* и др.

Что касается валентных связей с глаголами, то последние ограничены в своей семантике. Можно выделить следующие модели:

политика + глагол (в.п., д.п., пр.п.)

- интеллектуально-оценочного значения: *одобрять политику, отвергать политику, поддерживать политику, навязать политику, руководствоваться чем-либо в политике, писать о политике, говорить, думать, размышлять о политике;*

- транзитивно-временного значения: *изменять, изучать политику, перейти к политике;*

- пространственного значения: *политика охватывает, политика направлена, нацелена* и др.

Политика (и.п.) + глагол-сказуемое с семантикой устойчивого положения: *отражает что-либо, устраивает кого-либо* (Денисов, Морковкин, 2001).

Рассмотрим слово *политика* во втором значении - «вопросы и события международной, общественной, государственной жизни».

Нами выделены следующие модели:

1) с относительными прилагательными (временной признак):

*политика **какая?** - текущая, злободневная, актуальная, сиюминутная;*

2) с глаголами и именами существительными отглагольного действия. Например: *интерес **к чему?** к политике* – интересоваться политикой, *увлечение **чем?** политикой* – увлекаться политикой. А также: *в политике **разбираться**, о политике **говорить*** (Денисов, Морковкин, 2001).

При сочетании с отглагольными именами существительными слово *политика* имеет форму косвенных падежей. В структуре этого значения содержатся семантические признаки, характеризующие политическую сферу деятельности, таким образом, имеет общую сему «деятельность» с первым значением.

Третье значение слова *политика* – «образ действий, направленных на достижение чего-либо, определяющий отношения с людьми»- в словарях представлено как детерминологизированное значение (помета '*разг.*').

Нами выделены следующие модели сочетаемости:

1) с именами прилагательными (оценка): *политика **какая?** - правильная, простая, сложная, странная, непонятная*. Нередко выступает в значении 'действия и отношения с людьми'. Актуализируется сема «действия» и «отношения», что говорит о метонимическом переносе: *политика **какая?** - хитрая, тонкая, недальновидная*.

2) с именами существительными (деятель, лицо):

*политика **кого?** - директора, соседа, Мухина;*

3) глаголы с интеллектуальной семантикой: *вести какую-либо политику, понимать чью-либо политику, придерживаться какой-либо политики* (Денисов, Морковкин, 2001).

Таким образом, в русском языке слово *политика* многозначно. При заимствовании в русский язык оно расширило семантику. Если в языке-источнике оно имело одно значение, то в современном русском языке оно трехзначно: первые два значения представлены как дефиниции политического термина, третье значение – детерминологизировалось, приобретая разговорный оттенок.

В современном русском языке слово *политика* в первом значении актуализирует следующие модели сочетаемости:

1) имена существительные:

а) со значением лица (*политика президента*);

б) принадлежности (*политика страны, государства, блока*);

2) имена прилагательные:

а) качественной оценки (*политика осторожная, агрессивная, миролюбивая*);

б) со значением отношения к сфере деятельности (*политика внешняя, внутренняя, национальная*);

в) характеризующими профессиональную деятельность человека (*политика экономическая, финансовая*);

г) со значением времени и направления (*политика новая, старая, последовательная*);

д) со значением интеллектуальной деятельности человека (*политика мудрая, разумная*);

3) глаголы:

а) движения (*к политике перейти, идти в политику*);

б) с семантикой названий процессов мыслительной и речевой деятельности человека (*о политике думать, размышлять, писать*);

в) с семантикой согласия (*с политикой быть согласным*).

Во втором значении слова *политика* можно выделить следующие модели:

- 1) имена прилагательные (со знач. времени): *текущая политика*;
- 2) глаголы (названия речевой деятельности человека): *о политике говорить*.

В третьем значении слова *политика* можно выделить такие модели:

- 1) имена существительные со значением лица: *политика директора, соседа*;
- 2) имена прилагательные (качественной оценки): *политика правильная, странная, тонкая*;
- 3) глаголы движения: *политику вести*.

Проанализировав значения слова *политика* в современном русском языке, можно сделать вывод о том, что сочетаемостные свойства этого слова реализуют и отражают специфику современной общественно-политической деятельности: с именами существительными; с относительными прилагательными, характеризующими сферу деятельности, пространственность, направление деятельности; с глаголами определенной семантики (речи, направления, психического воздействия) в основном в своем первом значении.

Отмечены случаи «миграции» сочетания в разговорную сферу во втором значении (*разбираться в политике*).

Случай переноса наименования наблюдается у слова *политика* в третьем детерминологизированном значении «общий характер поведения, образ жизни». Например: *хитрая, тонкая политика*.

Перечисленные словосочетания встречаются в речи часто, однако в средствах массовой информации можно встретить не только их. Например: *здоровая политика, патологическая политика, шкурная политика, тупая политика, политика с элементами группового секса* и др. Контекстное окружение слова *политика* является диагностическим с точки зрения выделения содержательных признаков концепта.

Анализ словарей является недостаточным для того, чтобы описать концепт, т.к. не позволяет до конца проследить перераспределение элементов в поле концепта, поэтому мы обращаемся к анализу концепта и его лексико-семантического воплощения в газетно-публицистической речи.

ГЛАВА 2. Системные связи ключевых слов, эксплицирующих концепт «политика», в русской языковой картине мира (на материале газетной публицистики XXI в.)

§1. Синтагматические связи слова «политика» в газетно-публицистической речи

Синтагматический аспект является одним из ведущих аспектов концептуального анализа. Анализ наиболее частотного окружения слова-имени концепта дает возможность выявить некоторые содержательные компоненты концепта, не отмеченные в словарях. Именно эти компоненты составляют культурологическую специфику концепта, в них отражается его реальное содержание. Контекст является диагностирующим фактором и помогает обогатить содержательно поле концепта. Н.А. Николина, исследуя наименования нравственных качеств человека, пишет, что «изучение семантики и сочетаемости этих «концентратов общечеловеческого смысла» позволяет, с одной стороны, выявить некоторые особенности отображения в языке мира нравственных понятий, с другой стороны, проследить историю их становления и эволюции» (Николина 1975). Итак, при исследовании синтагматического аспекта следует рассматривать как частотное окружение, так и единичное употребление определенного источника, поскольку в нем все равно выражается понимание концепта, закрепленное в языковом сознании, также подробно исследуются синтагматические связи слова-имени концепта, возможности сочетаться с другими словами, где делаются заключения относительно содержательных характеристик концепта (употребление и понимание концепта носителями языка).

В структуре российской журналистики 90-х годов выделился особый тип изданий, ключевой темой которых стала политика, а главным действующим лицом, адресатом - политик.

В газетных статьях происходят активные процессы общеязыковой адаптации значительной части ранее узкотерминологической лексики и словосочетаний. Вместе с тем негативные явления в жизни общества, издержки в экономических преобразованиях не могут не сказаться на особенностях словоупотребления и лексической структуры публицистических текстов, поскольку кризис, наблюдаемый во многих областях жизни, в том числе и культуре, с неизбежностью распространяется и на язык как элемент культуры. Создаются новые словосочетания, сокращается словарный состав языка за счет исчезновения некоторых предметов и связанных с ними наименований, понятий.

Например, *политика по-петербургски, лихая политика, плохая политика* и др.

В данном параграфе мы проанализируем семантические особенности слова *политика*. Этот термин есть «базис» русского политического словаря, имеет свою историю интеграции и семантического развития в русской речи.

Используя метод сплошной выборки, мы проанализировали более 500 словоупотреблений исследуемого слова с различными частями речи - существительными, прилагательными и глаголами.

Семантические связи между лексическими единицами в словосочетании не являются однородными. Качество семантических связей дифференцируется прежде всего типами грамматических моделей: в каждом типе такой модели реализуется обобщенный вид семантической связи между сочетающимися словами. Например, в грамматической модели «прилагательное + существительное» проявляется семантическая связь, характеризуемая отношением признака (прилагательное) к носителю признака (существительное); в грамматической модели «существительное в им.п. + глагол» реализуется семантическая связь, выражающая отношения между словом, обозначающим предмет, и словом, обозначающим действие, которое совершает этот предмет. «Внутри

каждой грамматической модели общая семантическая связь между сочетающимися словами, способными заполнить эту модель, «расплетаются» на множество более тонких и частных семантических связей, образуемых индивидуальными значениями конкретных сочетающихся слов» (Плотников, 1971).

Наличие в пределах словосочетания компонентов, совместимых и несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений, означает семантическое согласование и рассогласование. Перенос семантического компонента из одного слова в другое ведет к контекстуальному изменению слова. Если в слове закрепляются оба контекстуальных значения, оно становится многозначным.

Устранение семантического компонента при рассогласовании приводит к десемантизации (Гак 1977).

В различных типах словосочетаний воплощаются качественно разные связи между лексемами; в этих связях проявляется своеобразие семантических свойств сочетающихся слов.

Анализируя модели сочетания слова *политика* с различными частями речи (существительными, прилагательными, глаголами), мы обнаружили значительное количественное увеличение ЛСГ и расширение круга лексем внутри ЛСГ.

Семантические валентности обусловлены непосредственно лексическим значением слова, характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу. «Приписываемые им содержания, или «роли» (субъект, объект, инструмент, средство, место) суть части этого лексического значения» (Апресян 1995).

§2. К проблеме термина и контекста

Антропоцентрическая устремленность многих современных исследований, изучение лексических единиц на материале текстов разных

стилей и жанров (публицистического, экономического, художественного и др.) позволяют представить себе активно протекающие изменения в менталитете современной языковой личности, в ее картине мира, ценностных ориентациях, в этнокультурном и социокультурном пространстве, а также в стилевой структуре того или иного языка и закономерностях его лексической организации.

В последние годы в нашей стране все большее значение приобретает деловая речь; быстрыми темпами она расширяет сферу своего распространения. В первую очередь это относится к языку *политики*. Показателем такой эволюции можно считать наводнение лексического состава русского языка иноязычными заимствованиями, в основном английскими, а также наблюдается интенсивное проникновение маркированных средств официально-делового стиля в газетную публицистику и разговорную речь.

Политика – это та сфера деятельности, где отчетливо проявляются языковая динамика, изменения в общественном сознании, ментальности носителей языка, активные процессы в современной лексике.

В *политике* важно не только то, как что говорится. Одновременно язык является и средством контроля, т.к. язык политики – особый: специальная лексика, термины, другие формы и приемы общения, передача информации.

Известно, что любой термин, исконный или заимствованный, как член терминологии должен обладать такими свойствами, как системность, логизированность семантики, наличие строгой дефиниции, тенденция к однозначности, конвенциональность, функционально-стилистическая закреплённость. Все перечисленные качества и свойства термина проявляются при его функционировании в терминологическом (специальном) контексте. Последний особенно важен для иноязычного термина, его семантического освоения.

Изучение термина в отечественном и зарубежном языкознании показало, что взгляды исследователей существенно изменились от понимания термина как особого знака, не входящего в литературный язык (Л.А. Капанадзе, Е.Н. Толикина), до признания термина в качестве равноправного члена общеязыковой системы (Л.П. Кутина, А.И. Моисеев). Доказано, что терминология – это лексика общелитературного языка, «распадающаяся на пласты специального употребления» (А.И. Моисеев). Термин – это не особый тип лексического значения слова, а лишь его особая функция, определенная сферой распространения (А.А.Реформатский, В.Г. Гак). В качестве определения понятия термина берется следующее: «Термин – это слово или словосочетание строго номинативной функции: определенный тип имен существительных или словосочетаний на их основе» (А.И. Моисеев). Вопрос о частеречной принадлежности термина в настоящее время является спорным. Некоторые исследователи считают, что в качестве терминов, помимо существительных, могут выступать так же прилагательные (О.С.Ахманова), глаголы (И.Г. Гулякова), числительные и наречия (Л.К.Граудина). Тем не менее, номинативный характер научного стиля выражается в преобладании существительных над глаголами, что определяется самим характером научного, отвлеченного мышления, перечень терминов в большинстве словарей ограничен существительными. «В европейских языках система существительных настолько развита, имеются настолько ограниченные возможности образовывать отглагольные и отвлеченные существительные, образованные от основ глаголов и прилагательных, что основной состав терминологического списка вполне может быть исчерпан существительными» (О.С. Ахманова).

Чем шире ряды и серии употреблений термина, тем выше «статус» его освоенности, тем больше возможностей вхождения термина в «нетерминологический контекст» - живую речь, публицистику (например, *окунуться с головой в политику; быть в/вне политики* и др.).

Дело в том, что публицистика отражает события каждого дня. Именно в ней в первую очередь закрепляются и языковые новшества, рожденные в процессе самой жизни общества. Ежедневные газеты оказываются самыми чуткими регистраторами многих новых образований, значений и употреблений слов и словосочетаний.

Анализ языковой специфики массовой коммуникации актуален, поскольку с ней тесно связаны процессы развития литературного языка в целом, его стилевой и функциональной дифференциации.

Использование специализированной лексики в газете отвечает одному из объективных условий - производству газеты в сжатые, короткие сроки. С точки зрения быстрых темпов создания газеты, термин удобен для пишущего: как языковой знак, он всегда точен, адекватно репрезентирует тот или иной отрезок действительности; применяя его, пишущий не рискует впасть в словесные неточности и неправильности. В терминах есть максимально точное, концентрированное и экономное выражение тех общих и частных понятий, с которыми сопряжена научная и техническая деятельность человека. От других разрядов слов функционального стиля научной и технической литературы термины отличаются своей огромной информационной насыщенностью.

«Язык массовой коммуникации – это весь литературный язык, только специфический» (Костомаров 1969).

Современная политическая лексика существенно обогащается словами разговорно-бытового стиля и общерусского просторечия, социальных и профессиональных жаргонов. С другой стороны, в язык современной массовой печати активно вовлекается лексика научного и официально-делового стилей (Попов 1993).

Именно здесь происходит активный процесс лексических и семантических «взаимодействий» разностилевых лексических единиц, выявляются их новые функции и динамика.

Чтобы исследовать семантические особенности иноязычных терминов, нужно обратиться к нетерминологическому (в нашем случае - газетному) контексту.

Об исследовании проблемы «термин и контекст». В современной лингвистической литературе представлены работы Д.Н. Шмелева, С.Карцевского, А.И. Смирницкого, Т.П. Ломтева, С.Д. Кацнельсона, Н.Ю.Шведовой, Ф.П. Сороколетова, Н.З. Котеловой, А.Р. Лурия, Г.В.Колшанского, Н.Н. Амосовой, Ю.В. Фоменко и др.

Существуют две точки зрения на проблему взаимоотношения слова и контекста. Согласно первой точке зрения, слово зависит от контекста, т.е. несамостоятельно и получает содержание лишь при вхождении в контекст. Этой точки зрения придерживались Ж. Вандриес, Л. Блумфилд, Д. Лотте и разделяют Т.Б. Крючкова, В.П. Даниленко, Н.Д. Арутюнова и др.

Выход термина за пределы своей терминосистемы в общее употребление – это как бы вторжение единицы одной языковой системы (терминологической) в другую (литературного языка).

Заполнение терминами словесной ткани текста в любом газетном жанре облегчает задачу автора в выборе слов, обеспечивает ему точную передачу мысли, способствует конкретности сообщения, имея при этом точного адресата. Однако основная авторская задача в газете не просто оперативно и правильно осветить взятую тему, но и сделать ее понятной для массового читателя, привлечь тем самым его внимание к затронутым в публикации вопросам. Ведь газета рассчитана на массовую аудиторию, на максимальное количество потребителей, а также на нейтральную «лингвистическую среду», то есть на читателей с самыми разнообразными стилистическими навыками. Общественные функции языка – это общение, сообщение, воздействие и др., на реализацию которых направлено всё жанровое многообразие газеты, что, бесспорно, накладывает определённые

обязательства на пишущих. Если термин не раскрыт, но как номинативное и функционально-значимое слово «фокусирует» смысловое наполнение текста, может «возникнуть» полное или частичное непонимание написанного (*неподкупная политика, политика диктата* и др.). В этом случае невольно сужается круг читателей: ими становятся лишь лица, специально для этого подготовленные, и, значит, подобная публикация написана для немногих. Таким образом, термин в газетном тексте может иметь коммуникативный результат лишь тогда, когда он содержательно раскрыт, понятен массовому читателю. «Диагностированию» содержания термина, особенно если он многозначен, помогает контекст, т.е. весь механизм парадигматических и синтагматических связей слова. Но, на наш взгляд, контекст важен и для однозначного термина и, прежде всего, термина иноязычного происхождения. Ведь способ вхождения иноязычного термина в ткань русского текста – это фактор его семантического освоения, что обуславливает и его понимание, его доступность, его действенность.

Термин, исконный или заимствованный, в терминологическом контексте «внеположен экспрессии, модальности, эстетическим функциям» (А.А. Реформатский). Наблюдения терминов в литературе определенной специальности помогают обнаружить как вышеперечисленные свойства термина, так и «условия формирования нового понятия и «наречения» его» (В.П. Даниленко). Бесспорно, одной из самых главных характеристик термина считается однозначность, обеспечивающая «необходимую точность информации в науке, технике и других областях» (В.П. Даниленко). Тем не менее однозначность «не во всех терминосферах имеет строгое и последовательное воплощение». По мнению многих исследователей, термин может быть использован для акта вторичной номинации. Явление многозначности (факты вторичной номинации) можно наблюдать у терминов в таких сферах, как политика, экономика, лингвистика и др. (Т.С. Коготкова). Например, в современном

политологическом словаре *электорат* – 1) ‘контингент избирателей’ и 2) ‘избирательный округ’; *брифинг* – 1) ‘информационное совещание’ и 2) ‘инструктаж, указание’.

Согласно другой точке зрения, термин не зависит от контекста, семантически самостоятелен. Особенности семантики термина заключается в том, что он точно соотнесён с определённым понятием, выражает его сущность (существенные признаки). Термин, согласно этой точке зрения, - это слово или словосочетание специального (научного) языка, являющееся точным словесным обозначением или выражением специального понятия, языковой знак которого соотнесён с соответствующим понятием в данной терминологической системе. Термин точно и однозначно называет предмет, явление или понятие науки и техники и раскрывает его содержание; в основе термина лежит научно построенная дефиниция; со стилистической точки зрения он нейтрален.

«Термины не противоречат природе публицистики, напротив, они близки к газетно-публицистическому стилю точностью номинации, глубиной обобщения понятия, однозначностью, лаконизмом выражения, составляющим один из важнейших компонентов эстетического идеала газетно-публицистического стиля. Вообще термины не выглядят чужеродными в газете вследствие книжно-письменной природы языка» (В.П. Даниленко).

В связи с этим проблема функционирования терминов в неспециальной (художественной) литературе и в живой речи актуальна и дискуссионна. Ее разработка подготовлена теоретическими трудами В.В.Виноградова, А.А. Реформатского, Д.Н. Шмелева, В.Г. Гака, В.П.Даниленко и мн. др. Анализируя процессы взаимодействия терминологической и общелитературной лексики, многие исследователи приходят к выводу о том, что термины, выходя за пределы терминополья, или теряют свои дефинитивные и системные характеристики –

детерминологизируются, приобретая такие черты общелитературной лексики, как многозначность, экспрессивность, стилистическая маркированность, или остаются в общелитературном языке инородными специальными словами (Н.Ф. Непийвода). Подобное «сосуществование» двухплановых лексических единиц (терминов – «бывших» терминов) особенно ярко представлено в языке современной прессы.

На примере функционирования терминов «политика», «политик», «политический» в газетной публицистике начала XXI века можно увидеть те семантические изменения, которые претерпевает каждый термин, оказываясь за пределами своей терминологической системы.

§ 3. Особенности лексико-семантической сочетаемости слова *политика*

Сначала рассмотрим семантические особенности сочетаемости слова *политика* в **первом значении** «деятельность органов государственной власти, государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями». В современном газетном тексте происходит расширение лексических связей термина *политика*.

1. Он вступает в лексико-семантические связи с прилагательными и существительными (*дивидендная политика, инновационная, инвестиционная, алкогольная, языковая, политика оплаты труда, промышленная политика, тарифная политика, политика запрещения* и т.д.), образуя атрибутивные сочетания, раскрывающие новые стороны, направления, качества деятельности современных организаций, партий, группировок.

Например: «Совет также одобрил предложенные правлением компании принципы *дивидендной политики...*» (Сов. Россия. 2002. №119).

«Те, чью *инновационную и инвестиционную* политику такие действия перечеркивают» (Рос. газета. 2002. №53).

«Рабочая группа горсовета РФ обсудила проект концепции *алкогольной политики* России...» (Сов. Россия. 2002. №119).

«Круглый стол на тему «*Языковая политика*» в современной России» (Сов. Россия. 2002. №119).

«*Политика оплаты труда* бюджетников не изменится» (Рос. газета. 2002. №146).

Такая сочетаемость акцентирует внимание читателя на интегрирующей функции *политики* в обществе.

2. Тенденция к усилению адресности *политики* в современных условиях: «политика *чего?* Багдада» (Сов. Россия. 2002. №116), «политика *кого?* Кремля» (Сов. Россия. 2002. №116), «новая политика *кого?* Басилашвили» (Рос. газета. 2002. №143), «Неприятие политики *кого?* реформаторов» (Сов. Россия. 2002. №119).

3. Тенденция к экспрессивизации политической терминологии. Наблюдается в функционировании «метафоризированных» и «метонимизированных» словосочетаний с компонентом *политика*: *пещерная политика, действенная политика, ненавистная политика, неподкупная политика, неразвитость политики, агрессивная политика, мирная политика и т.д.*

«В условиях *агрессивной политики* Палестинской автономии... Израилю стоит демонстрировать поселения» (Рос. газета. 2002. №149).

«...противостоять американскому диктату в *мирной политике*» (Сов. Россия. 2002. №119).

Эти два контекста можно сравнить. Основания для этого – семантический компонент «проявление» - получает в значениях сравниваемых слов противоположное выражение («согласие – несогласие»). Тождество семантических компонентов является

необходимым условием лексической антонимии. В данном случае «отношение к определенной сфере деятельности».

4. Некоторые из подобных сочетаний приобретают устойчивый характер, нередко теряя экспрессивно-оценочную семантику. Например: *высокая политика* (в международных отношениях), *жесткая политика* (в экономике), *крутая политика* (о деятельности «бизнесменов»), *глобальная политика США* (политика глобализма), *большая политика* (деятельность властных структур), *семейная политика* (в быту), *строить политику* (издавать законы), *люди из политики* (государственные деятели).

«...механика *высокой политики*» (Рос. газета. 2002. №146).

«Правительство уже обратилось за помощью к МВФ, под диктовку которого и проводит последние пять лет очень *жесткую* финансовую *политику*» (Рос. газета. 2002. №143).

5. Освоение новых сочетаний, апробированных на газетной полосе, что выражается в использовании их в последующем на радио и телевидении.

Среди таких моделей сочетаемости с глаголами особый интерес вызывает сочетание с глаголом «идти».

Например: «Что заставляет успешных бизнесменов *идти* дружным строем *в политику*?» (Рос. газета. 2002. №106).

В прямом пространственном значении глагол *идти* обозначает «линейное движение – передвигаться шагами, и относится к одушевленному предмету, выступающему в роли субъекта». Это значение является основой. Употребляемый с некоторыми предлогами, данный глагол обозначает движение в разных направлениях. От исходного значения глагола *идти* образуется значение «движение в пространстве».

В сочетании «идти в политику» реализуется периферийная сема термина *политика* – «сфера деятельности», т.е. происходит метонимический перенос также в сочетании с глаголом *идти* слово *политика* реализует метонимическое значение «лицо, занимающееся

политикой». Например: «*Политика* на улицы не выйдет» (Рос. газета. 2002. №162).

б. Расширение лексических связей термина *политика* за счет привлечения терминов других, точных наук. Например: *зенит политики, орбита политики, векторы политики, технология политики, механика политики* и др.

«Не зря из всех своих прозвищ, - Бабу, Белый Лис, Седой (московский *зенит мировой политики*)...» (Рос.газета. 2002. №146).

«В 1995 году Шеварнадзе покидал Грузию, чтобы переместиться на *орбиту мировой политики*...» (Рос. газета. 2002. № 106).

«А еще определеннее антироссийскими сделались *векторы грузинской политики*» (Рос. газета. 2002. №150).

Второе значение термина *политика* «вопросы и события общественной жизни» реализуется в «старых» моделях сочетаемости с прилагательными (*политика **какая?** текущая, злободневная, актуальная*), с глаголами и существительными отглагольного действия (*интересоваться политикой* – интерес к политике, *увлекаться политикой* – увлечение политикой). Особенности являются:

1. Расширение в газетных текстах круга словосочетаний с термином *политика* в этом значении, при котором сохраняется терминологическое значение, и называются события и вопросы русской современности.

Например: *политика **какая?** конкретная, сиюминутная, грузинская, чеченская, иракская, американская политика; разбираться в политике.*

Сочетания с определениями, выраженными относительными прилагательными с топонимической семантикой не случайны: подобные лексические связи отражают самые актуальные проблемы общероссийской государственности (*чеченская политика* – это вопросы, события, касающиеся Чечни, *грузинская, иракская политика* и др.).

«А еще определеннее антироссийскими сделались векторы *грузинской политики*» (Рос. газета. 2002. №150).

«При этом *конкретная политика* безо всяких стеснений строилась по другой формуле» (Рос. газета. 2002. №146).

Конкретная политика – «реально существующая ситуация, событие».

В данном контексте выражает реальный признак, при этом в сознании у читателя газеты может возникнуть ассоциация чего-то ирреального в подобной ситуации.

2. Модели сочетания слова *политика* с глаголами на газетной полосе чаще всего приобретают устойчивый характер. Например: *пересмотреть политику оплаты труда, ускорить и углубить политику, обсуждать политику, податься в политику*.

«Джон Болтон подчеркнул, что России необходимо *пересмотреть* свою *политику* в отношении распространения ядерного оружия» (Сов. Россия. 2002. №116).

Пересмотреть свою *политику* имеет сему «изменить что-либо». В данном контексте – «пересмотреть вопросы, касающиеся чего-либо».

«Обсуждать политику в Интернете – занятие не популярное» (Рос. газета. 2002. №53).

Глагол *обсуждать* выступает в значении «разбирать, оценивать». Имеет признак «способ передачи информации». На уровне лексической дистрибуции характеризуется тем, что способен сочетаться с именами «неинформативной семантики» (Фоменко 1973). Содержателен тем, что имеет значение «сообщить кому-либо свой прогноз».

Третье значение слова *политика* «образ действий, направленных на достижение чего-либо, определяющий отношения с людьми» в газетно-публицистических текстах становится стилистически маркированным, приобретая «*статус*» терминологического элемента. Происходит терминологизация

словосочетания. Например: *политика диктата, политика сближения, запрещения* и т.д.

«Шведский премьер Йоран Пересон подчеркнул, что ЕС надо бы отойти в этом вопросе от «политики диктата» (Рос. газета. 2002. №106).

«Бразилия прилагает усилия к тому, чтобы продолжать проводить *политику сближения с США*» (Рос. газета. 2002. №6).

«Является ли *политика запрещения* наркотиков единственной?» (Рос. газета. 2002. №6).

Тем не менее, газетно-публицистическая речь не лишена сочетаний слова *политика* разговорного и эмоционально-оценочного характера (*лихая политика*).

Нельзя не обратить внимание на модель сочетаемости «местоимение «своя» + политика». Например: «...необходимо пересмотреть свою политику» (Сов. Россия. 2002. №116).

Здесь, бесспорно, актуализируется разговорное значение «образ мысли».

Выводы:

1. В современной газетно-публицистической речи лексико-семантические связи термина *политика* значительно расширяются, реализуя новые смыслы (семы): ядерная сема «политическая деятельность, деятельность органов государственной власти» становится периферийной: *инвестиционная политика, антимонопольная политика, алкогольная политика, языковая политика, внебюджетная политика, политика запрещения наркотиков, дивидендная политика, политика оплаты труда*. Такая сочетаемость акцентирует внимание читателя на интегрирующей функции *политики* в обществе – любая деятельность - интересы.
2. В связи с этим возрастает тенденция к усилению адресности *политики* в современных условиях: *политика Басилашвили, политика Багдада, политика реформаторов, думская политика, московская политика*.

3. Появление новых устойчивых терминологических сочетаний с компонентом «политика» (явление фразеологизации): *высокая политика* (на правительственном уровне); *большая политика* (деятельность на международном уровне); *глобальная политика*; *идти в политику*, *лезть в политику*.

4. Употребление с терминами из другой сферы науки: *политика безопасности*, *политика дивидендная* и др.

Итак, синтагматика выявляет следующие содержательные признаки концепта «политика»:

- в политику идут;
- политику разбирают, оценивают;
- политика – реально существующее событие, ситуация;
- с политикой соглашаются и не соглашаются;
- адресность политики усиливается;
- связь политики с точными науками.

Практически все указанные представления о *политике* соотносятся с зафиксированными нами парадигмами концептуального пространства «политика».

§4. Процессы детерминологизации и транстерминологизации терминов «политический» и «политик» на газетной полосе

Детерминологизация специальных слов демонстрирует влияние социальных факторов на внутренние языковые отношения.

Арсенал используемых в газете средств выразительности достаточно обширен. В основном это общеязыковые приемы и способы создания образности, т.е. публицистика «задействует» тот же образный материал, что и, например, художественная литература, различными оказываются

только функции образных элементов в том и другом стилях (Костомаров 1969).

По словам Ю.М.Лотмана, «взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же» (Лотман 1994: 97).

В семантическом плане процесс метафорического переосмысления значений специальных слов сопровождается приглушением архисем, определяющих терминологичность слова, и актуализацией потенциальных сем. Взаимопроникновение элементов терминологических систем различных областей знания вызвано и возможностями адресата, и общей «картиной мира», и параметром адресанта.

Например, тяжелое состояние *политики* часто вызывает у авторов стремление использовать медицинскую лексику (*здоровая политика, больная политика, политический выкидыш, политическая смерть, политический СПИД* и др.); в связи с конкурентным характером политики и необходимостью постоянной борьбы используется лексика из области спорта, также учитывается значительная роль, которую спорт играет в жизни современного общества: *футбол – это тоже политика, политическая арена, политическая борьба, политическое плавание, политический раунд* и др.

1.Основной признак детерминализации в употреблении ключевых слов, эксплицирующих концепт «политика», выявленный нами на газетной полосе, - *метафора*.

Метафора (от греч. *metaphora* – перенесение) – одна из представительниц целого семейства языка и мышления. Механизм метафоры, заложенные в ней актуальные и потенциальные возможности позволяют экстраполировать это понятие и давать ему достаточно хорошее толкование. Метафора становится ключевым понятием при рассмотрении процесса творческого мышления и изучении концептуальных систем.

Более того, она все чаще понимается как фактор, способный трансформировать традиционные представления о социально-исторической картине мира и давать мощные импульсы для построения новых парадигм.

«В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» (Арутюнова 1990: 6).

«Метафора начинается с операции со смыслами, противной логическому мышлению, и приходит к подчинению смысла законам логики. Умственное усилие по созданию и пониманию метафоры состоит в преодолении несовместимости значений, восстановлении смысловой гармонии» (Арутюнова 1978: 341).

Например, «Финал: видимо персонаж Хакамады, как и положено, закончит жизнь на *политическом костре* при жидких и непродолжительных аплодисментах» (Комс.правда. 2004).

Таким образом, метафора рождается в результате взаимодействия гетерогенных сущностей - объектов действительности и некоторых представлений, ассоциируемых со вспомогательным субъектом. Основным результатом метафоры, ее целью является выведение признаков основного субъекта. А определяют значение метафоры, согласно Н.Д. Арутюновой, именно признаки вспомогательного субъекта. Метафора тем самым создается путем «предикации основному субъекту признаков вспомогательного субъекта». Особый акцент при этом автор делает на том, что «на вход метафоры поступают разные виды идеального - эмоции, экстралингвистические знания, житейский опыт носителей языка, иногда случайные впечатления, наблюдения, утилитарные оценки» (Арутюнова 1999: 368).

Например, «Созданный всего 3 месяца назад блок «Родина» многие пытались представить таким *политическим выкидышем*» (Комс.правда.2004.№49).

Метафоры часто помогают нам заметить те свойства вещей и предметов, которые мы раньше не замечали, и раскрывают нам «поразительные аналогии и сходства».

Например, «*Странная политика* у партии, которая считает себя опорой всех интеллигентных людей России» (АиФ.2004.№32).

«Политика – это театр страстей» (Рос. газета. 2004).

Большой вклад в разработку теории метафоры внесен В.Н. Телией, представившей метафоризацию как сложный мыслительный процесс. В исследуемое понятие она включила субъект метафоры, фактор адресата и его новое знание о мире, а также знание языковых значений и их ассоциативных компонентов. Автор отмечает, что в метафоре взаимодействуют модусы фиктивности, антропометричности, эмотивный и эстетический.

Деятельность субъекта (творца метафоры) ориентирована не только на заполнение понятийных лакун и номинацию, но и на прагматический эффект, который метафора вызывает у реципиента. Фактор адресата, в свою очередь, обязывает создающего метафору прогнозировать ее понимание при выборе признаков подобия в уже названной реальности и той реальности, которая получает имя.

Метафора признается наиболее «мощным средством формирования новых концептов», то есть отражения в языковой форме нового знания о мире - эмпирического, теоретического или же художественного освоения действительности. По словам автора, она «способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы. В этом переосмыслении образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциациями, которые представляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких оттенков смысла» (Телия 1988: 179).

Особое внимание В.Н. Телия обращает на обязательное наличие в процессах метафоризации некоторой важной для субъекта речи «чисто номинативной или номинативно-прагматической интенции» (Телия 1988: 189). Тот, кто создает метафору, идет на преодоление автоматизма в выборе средств из числа уже готовых. Намеренная затрата речевых усилий, несомненно, всегда на что-то нацелена.

Метафоризация политических терминов – один из активных процессов семантической детерминологизации.

В построении метафоры участвуют четыре компонента: два предмета, основной и вспомогательный, соотносенные друг с другом, и свойства каждого из них.

Например, сочетание «*политическое поле*» (АиФ, июнь 2002) метафоризация значения слова *поле* (деятельности) возникло на основе представления о поле как обширном пространстве (пригодном или подготовленном к посеву) и представление о деятельности как работе (в определенной области, пригодной для «посева»). В основе метафоры лексики лежит появление признаков исходного, номинативного значения, послуживших для ее образования.

Метафорическое значение вбирает в себя свойства для нового знания по аналогии с явлением, обладающим этими свойствами.

«Метафора – наиболее распространенное средство образования новых значений» (Диброва 2001). Мы попытаемся рассмотреть метафору в языке средств массовой информации как неотъемлемый и яркий элемент системы технологий речевого воздействия. Язык средств массовой информации берется для исследования потому, что метафоры наиболее применяемы и эффективны в языке СМИ.

Метафора, реализующаяся в сочетаниях со словами *политика*, *политический*, *политик*, есть не что иное, как воздействие с целью формирования у субъекта или у общества либо положительного, либо

отрицательного мнения о той или иной политической единице (*политике деятельности, партии, программ, мероприятия*).

Метафорические преобразования, связанные с современными оценками политической деятельности, кроме указанных выше спортивных и медицинских образов, нередко иронически эксплицируют образ театрального действия: *политический театр, политическая сцена, политическая арена, политическая игра*. Концепт «театр»: политики – актеры, а политическая жизнь – игра, арена, сцена.

«Итак, судя по приведенным выше данным, серьезных конкурентов на *политической сцене* у него пока нет» (Рос. газета. 2002. №106).

«КПРФ сегодня четко повторяет путь французской компартии, которая ослабевает и сходит с *политической арены*» (Рос. газета. 2002. №96).

«Постоянная необходимость приспособливаться к новым лицам на *политической сцене*, собственно говоря, и составляет искусство политика» (Рос. газета. 2002. №146).

«По его словам, «политическая игра крымского парламента»...» (Рос. газета. 2002. № 52).

Метафорическая модель актуализирует значение «ненастоящей жизни, предназначенной для зрителя, неискренности персонажей *«политического спектакля»*, но указанные метафоры настолько стали привычными, что этот иронический смысл для читателя уже не актуален.

Таким образом, в представленных выше метафорических моделях политическая жизнь предстает как мир закулисных игр.

Явно оценочным является следующее метафорическое употребление:

«Не пожелав смириться с ролью *политического трупа*, бывший председатель Совмина Рыжков согласился сыграть...» (Сов. Сибирь. 2002. №51). Само существительное труп, даже в прямом лексическом значении, связано с отрицательной коннотацией.

«Не зря из всех своих прозвищ, ...Седой (московский *зенит мировой политики*)...» (Рос. газета. 2002. №146).

«И не важно, какой из вариантов *политического строительства* будет принят в ходе последующих переговоров» (Рос. газета. 2002. №153).

Строительство – «создание, организация чего-нибудь». Это метафора. Выделяется сема «создание».

«Все это – *политические раскаты*, последовавшие за «сработавшими», как им как раз и положено, выборы» (Правда. 2002. №100).

Раскаты – «прерывистые и громкие звуки, длительный гул, грохот». Общая сема «звук» выделяется на основе ассоциативных связей.

«Мы должны этот факел подхватить, возвысить, показать эти политические руины» (Сов. Россия. 2002. №119).

Руины – «развалина старинного сооружения».

Метафорическая образность основана на ассоциации. Можно сказать о каком-либо «разрушении».

«В Молдавии продолжают *политические страсти*» (Рос. газета. 2002. №105).

Страсть – «чувственное влечение». Метафора, общая сема «чувство».

«Шеварнадзе считают *пещерным политиком*» (Рос. газета. 2002. №146).

Пещерный – «относящийся к доисторическим временам». Отрицательная экспрессивность на лицо, т.к. пещерность (как что-то грубое, неотесанное) социально осуждается.

«Юлий Александрович, как вы подбираете себе *политических «жертв»* для народного допроса» (Рос. газета. 2002. №79).

Жертва – «в древних религиях: приносимый в дар божеству предмет или живое существо». Учитывая, что слово *политический* подразумевает деятельность в государстве, которая основывается на принципе

«безжертвенности», в данном контексте слово «жертва» употребляется в переносном смысле. Это еще и возрождение старого, столетней давности, связанное с гонением революционеров. Происходит расширение основного значения, а отсюда – метафоризация.

«политическая красота, эффектность» (Сов. Россия. 2002. №119).

Метафора, образованная при помощи абстрактного значения в данном контексте «блестящей, впечатляющей деятельности, касающийся непосредственно политической жизни». В сочетании появляется противоречащая сема.

Приводит к переносным значениям и стилистическая оксюморонность, которая сопровождается семантическим рассогласованием.

Например: «политический сундук» (сейф), «политические раскаты» (планы), «политическая многоголосица» (дебаты), а также «политическая тусовка» (съезд партии), «политическая кухня» (выборы), «политический ублюдок», «политический Квазимодо» и др.

«Для меня главное – результат дела, а не политические расклады» (АиФ. 2002, июнь).

«Подзабытые за годы экономического склада лозунги и румынские флаги вновь вынуты из политических сундуков» (Рос.газета. 2002. №6).

«Приведенные примеры политической многоголосицы только частично «зацепили» проблемы депутатских будней» (Сов.Сибирь. 2002. №103).

Метафора играет далеко не последнюю роль, поскольку через перенос наименования с одного объекта (предмета, лица) на другой, сходный с первым в каком-либо отношении, позволяет охарактеризовать последний, выразить к нему отношение.

В списке наиболее частотных метафорических моделей, связанных с языковой экспликацией концепта «политика», мы обнаружили те, где объектом метафорического осмысления являются политические лидеры и

вожди, а также политическая жизнь в целом. Традиционно сложившаяся точка зрения на вопрос детерминологизации терминов заключается в отношении к разряду терминологических единиц, которые, войдя в состав общелитературного языка, развивают в нем новые значения. Однако если рассматривать детерминологизацию, исходя из понятий «слово» и «термин», возникает несколько иная картина. Термины отличаются от обычных слов своей соотнесенностью с дефинициями, т.е. если обычным словам свойственна только номинативная функция, то термины выполняют еще и дефинитивную функцию (В.В. Виноградов).

Наличие дефинитивности возможно только там, где это обусловлено коммуникативной потребностью, – в научных трудах, докладах и т.д., ибо дефиниция любого понятия может быть установлена только во взаимной связи с другими дефинициями определенного круга понятий (Реформатский 1999).

Таким образом, детерминологизация – это процесс превращения термина в обычное слово путем нейтрализации его дефинитивной функции.

И в результате терминологизации общеупотребительных слов, и вследствие детерминологизации терминов в языке появляется большое количество двуплановых лексических единиц (В.Г. Гак), имеющих свойство выступать как в функции терминов, так и в роли обычных слов.

1. Лексические связи термина *политический* с терминами других наук. При этом ключевое слово не изменяет свою семантику, а лишь «притягивает» к себе значение другого термина.

Например, слово *политический* на газетной полосе сочетается с терминами из сферы искусства: *политическая арена, сцена, шоу, спектакль, гастроли, сериал* и др.

«КПРФ сегодня четко повторяет путь французской компартии, которая ослабевает и сходит с *политической арены*» (Рос. газета. 2002. №96).

«Итак, судя по приведенным выше данным серьезных конкурентов на *политической сцене* у него пока нет» (Рос. газета. 2002. №106).

2. Сочетания с медицинскими терминами: *политическое давление, политические процедуры, метастазы, политическая болезнь, кризис, кульбит, авитаминоз, смерть, СПИД, коллапс, политическая лаборатория, шокотерапия* и др. Например:

«В этом и заключается *политическая болезнь* нашего государства» (Рос. газета. 2002. №6).

«*Политические процедуры*, которые касаются нашего движения» (Сов. Россия. 2002. №119).

"*Политическая лаборатория*" (название рубрики) (Комсомольская Правда. 2003, 28.08.).

3. Сочетания с терминами экономики и торговли: *политический капитал, политический вес, политические торги, политический курс, риск* и др.

«Местная власть заработала на произошедшем *политический капитал*» (Рос. газета. 2002. №146).

«Но *политический вес* либерализма ничтожен, их партия из числа так называемых «паркетных»» (Рос. газета. 2002. № 146).

4. Сочетаемость ключевого слова с терминами из области спорта: *политический раунд, политический скачок, политическая игра, политическая воля, боулинг, маневр, борьба* и др.

«Выиграть этот *политический раунд*» (Сов. Россия. 2002. №119).

Мы рассмотрели транстерминологизацию терминов *политика* и *политический* в газетно-публицистической речи. При этом учитывали, что транстерминологизация – это лишь процесс детерминологизации.

Данные слова расширяют сочетаемость, не изменяя своего лексического значения. А расширение лексического состава газетной публицистики за счет политической лексики можно объяснить таким фактором, как «своеобразный «ренессанс» социально-политического

сознания нашего общества, пытающегося не только увидеть, назвать, но и объяснить заново многие явления политической и общественной жизни» (Попов 1993).

Выводы

В результате проведенного исследования главным является экспрессивизация термина *политика*, что наблюдается в функционировании «метафоризированных» сочетаний типа: *пещерная политика, ненавистная, неразвитость политики*. Тем не менее целый ряд сочетаний с оценочным прилагательным приобретает устойчивый характер, а экспрессивно-оценочная семантика сочетания нейтрализуется: *глобальная политика* (деятельность, направленная на мировое господство); *большая политика* (международная деятельность); *строить политику* (издавать законы); *люди из политики* (государственные деятели).

Расширение лексических связей термина *политика* происходит и за счет привлечения терминов других, точных наук: *орбита мировой политики, зенит мировой политики, векторы политики*. Мы называем этот процесс транстерминологизацией, который в целом ряде случаев может быть оценен как семантическая детерминологизация: *механика политики* (механика деятельности), *технология политики* (законотворчество, направленное против интересов народа).

Значение слова *политика* «образ действий, направленных на достижение чего-либо» на наш взгляд, подвергается дальнейшей ретерминологизации на страницах газетных текстов, вновь приобретая статус термина: *политика диктата, террора, сближения, присоединения и неприсоединения*, но сохраняет разговорно-литературное значение: *лихая политика, бесшабашная политика* и др.

Ярким примером расширения лексико-семантических связей является функционирование термина-derivата *политический*.

В толковых и терминологических словарях данная единица имеет 2 значения: 1) относящийся к деятельности и 2) относящийся к вопросам и событиям. И в том, и в другом значении частотны модели сочетаемости с существительными, отражающими дефинитивные функции: *политический обозреватель, политическая борьба, трения, политический режим, устройство*.

Тем не менее, на газетной полосе термин *политический* не только расширяет свои связи с существительными в обоих значениях, но дает яркие образцы рождения нового политического термина: *политический терроризм* (преступление, предусмотренное уголовным кодексом), *политический беженец, эмигрант* (человек, меняющий место жительства в силу политической обстановки) и др. Как и слово *политика*, он расширяет семантические связи, ведущие к детерминологизации, транстерминологизации с явной метафоризацией сочетаний. Например: сочетание с терминами медицины (*политический авитаминоз, синдром, суицид, коллапс, агония, труп*), реализующие негативную семантику – политический кризис в деятельности; с терминами экономики и торговли (*политический торг* (процесс «купли-продажи» членов партии); образования (*политический ликбез*); спорта (*политический раунд*); искусства (*политический спектакль, гастрولي*) и др.

Многие из них в подобных сочетаниях реализуют коннотативно-негативную сему как отражение социально-политического процесса последних лет в политике.

Активизируются и модели сочетания с разговорно-бытовыми и просторечными словами, в которых стилистическая оксюморонность сопровождается семантическим рассогласованием и приводит к появлению переносных значений: *политическая тусовка* (заседание), *политическая многоголосоица* (дебаты), *политические расклады* (планы), *политический сундук* («сейф»), *политическая кухня* (внутрипартийная дискуссия) и т.д.

Появление подобной экспрессивно-оценочной метафоры создает выразительный эффект, яркую социальную оценку политической деятельности и деятелей: *политический наперсточник* (о Березовском), *политическая кутерьма* (о Думе).

С американизацией нашей жизни термин *политический* не избежал лексико-семантических связей. Многие словосочетания представлены как образно-оценочная метафора: *политическое шоу*, *политический уикенд* и др.

Итак, проведенные результаты анализа позволяют сделать общий вывод:

- 1) о сближении научного и публицистического стилей в условиях активной миграции терминов из одной сферы в другую;
- 2) о сильной тенденции к экспрессивизации газетно-публицистической речи в силу ее открытости, восприимчивости, доступности.

Именно в этих условиях каждое иноязычное слово, особенно политический термин с его широкой семантикой, подвергается семантическим, стилистическим и функциональным преобразованиям, которые есть отражение тех изменений, которыми так богата жизнь русского общества.

Данные, полученные при анализе лексикографических источников и газет, взаимодополняют друг друга, что позволяет нам описать почти все «слои» концепта, эксплицировать значение, закрепленное в языке и составляющее важную часть языковой картины мира.

Чем сильнее политизация русского общества, тем ярче проявляется деполитизация термина политика.

§5. Парадигматические связи существительного «политика»

Исследование парадигматических связей концепта *политика* предполагает описание его синонимических и проч. ассоциативных связей, что является наиболее значимым для концептуального анализа. Как пишет С.Г. Воркачев, «следует исследовать совокупность всех разнородных синонимических средств, описывающих ... концепт в языке» (Воркачев 2001: 68).

Под синонимами мы понимаем слова одной и той же части речи, имеющие полностью или частично совпадающие значения. Что касается показаний словарей синонимов, то существительное **политика** не имеет синонимических «партнеров» (Черняк 1989). Однако анализ нашего материала выявил многообразное проявление синонимических «сближений» в контекстуальных фрагментах. Причем, текстуальная синонимия проявляется в каждом из значений слова *политика*: 1) «деятельность органов государственной власти»: *политика, деятельность, дело, работа, труд* (например, *качество политики – качество деятельности; мало опыта в политике – мало опыта в делах; политика – семейное дело* и др.) 2) «вопросы и события общественной, государственной жизни»: *политика, события* (например, *чеченская политика – чеченские события; иракская политика – иракские события; говорить о политике – говорить о событиях; футбол – это политика – футбол – это важное событие для страны* и др.) 3) «образ действий, направленных на достижение чего-нибудь»: *политика, поведение, государственные интересы, образ жизни* (например, *в политике все хорошо – в личной жизни все хорошо; политика – государственные интересы* и др.).

Следует отметить, что в газетно-публицистическом дискурсе за счет метонимического значения слова *политика* («органы государственной

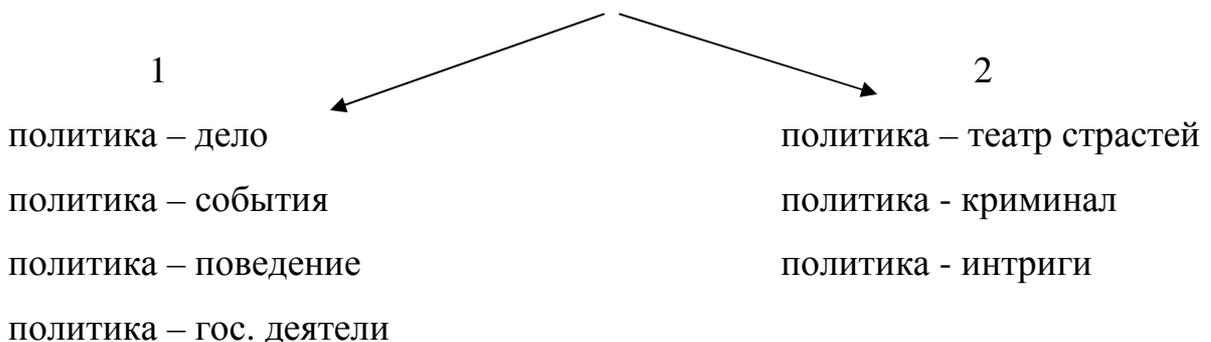
власти») наблюдается его вовлечение в новые синонимические связи. Так, значение «лица, занимающиеся политикой; государственные деятели» образует синонимический ряд *политика – власть*. Ср.: *люди из политики – люди из власти*.

Лексическая сочетаемость слова *политика - дело* с прилагательными не всегда совпадает. Так, с определениями *валютная, дефляционная, ценовая, бюджетная* и др. взаимозаменяемость невозможна. Хотя с целым рядом глаголов (*лезть в политику – лезть в дела; вести политику – вести дело; идти в политику – идти в дело; заниматься политикой – заниматься делами* и др.) сочетаемость совпадает.

Таким образом, существительное *политика* как доминанта синонимических рядов (в каждом из трех значений) имеет более широкую лексическую сочетаемость, чего не наблюдаем у других семантически близких слов (1) *агрессивная политика, но не агрессивное дело*; 2) *втянуть в политику, но не втянуть в события*; 3) *политика террора, но не поведение террора*).

Эти синонимические сближения возникают на основе индивидуальных ассоциаций носителей языка и связаны, прежде всего, с их эмоциональным состоянием и ментальными процессами.

Итак, наши примеры свидетельствуют о том, что слово *политика* в публицистическом дискурсе, по сравнению с семантически близкими словами, более антропометрично, с одной стороны, и, оценочно, с другой. Это подтверждается двумя «блоками» синонимических связей:

Во втором блоке преобладает отрицательная оценка, что и диагностируется синтагматическими связями и проведенным ассоциативным экспериментом.

§6. Эпидигматические связи слова «политика» как имени концепта «политика»

Одной из составляющих концептуального анализа слова-имени концепта является исследование его эпидигматических связей. В.И.Убийко отмечает многомерность, комплексность концепта, который включает и словообразовательное гнездо слова-имени концепта: «концепт представляет собой объемное ментальное образование, вбирающее в себя не только инвариант значений репрезентирующего его слова, но и инвариант словообразовательного гнезда и одноименного семантического поля» (Убийко 1998: 3).

Е.С. Кубрякова отмечает, что «каждое производное слово оказывается в особом положении в системе лексики, притом сразу в нескольких отношениях: а) в серии слов, маркированных одним и тем же формантом; б) среди слов, следующих одной и той же словообразовательной модели; в) в серии родственных слов, объединенных общностью корня» (Кубрякова 1988: 151).

Системные связи у производных слов обширнее, чем у простых. Д.Н.Шмелев (1972) выделил для характеристики этих связей термин – «эпидигматические связи». «Производное слово характеризуется в первую очередь как знак мотивированный, а следовательно, требующий для объяснения его значения возвращения к мотивирующей его единице» (Кубрякова 1988: 152).

В ходе когнитивного анализа производного слова устанавливается связь обобщенных концептов с основными категориями – объекта,

процессуального и непроцессуального признаков и отношений между концептами. «Поэтому концептуальный анализ производного слова состоит в описании онтологической природы концептов» (Позднякова 2000: 23).

В словообразовательных моделях языка зафиксировано структурирование системы знаний человеком и то, как человек делит мир и фиксирует это разделение. Словообразовательные значения восходят к общим категориям онтологии и позволяют судить о том, что стоит за дериватами, созданным по той или иной модели.

Словообразовательное гнездо «политика» является мотиватором в современном русском словопроизводстве и представлено двумя группами: элементы с большим словообразовательным потенциалом; элементы с незначительным или нулевым словообразовательным потенциалом.

Словообразовательный потенциал актуальностью явления, обозначенного данной единицей и его связью с профессиональной и обыденной речью.

Наши наблюдения показали, что словообразовательный потенциал гнезда «политика» зависит от частеречной принадлежности (принадлежности к тому или иному лексико-грамматическому разряду).

Так, названия лиц (*политик*, *политикан*) обладают невысокой словообразовательной активностью, что обусловлено подробной дифференцированностью деятельности человека в наше время, фокусированием разных ее параметров.

Словообразовательная активность связана не только со способами словообразования (его дериватами), но и с семантической структурой слова, где мотивирующее слово (а именно *политика*) может образовывать дериваты от каждого значения; при мутации устанавливаются коррелятивные пары внутри одной части речи, близкие к грамматической оппозиции. Это тоже переход из одного класса в другой, но не меняющий

исходной синтаксической функции слова, например: *политик – политикан – политиканша - политиканка*.

Модификация – это важнейшее следствие словообразования, которое достигается при полном изменении семантики исходного слова (политика - политикан); она наблюдается при лексической деривации, когда обозначение дается новому объекту и когда причиной словообразовательного акта является отсутствие общепризнанного обозначения для соответствующей реалии или неудовлетворенность имеющимися. Таким образом, можно говорить о непроизводной лексике как о базовой, отправной для лексики производной, а также в каких именно направлениях она видоизменяется и развивается (Кубрякова 1988: 156).

Как только на основе слова одной части речи (слова мотивирующего) образуется слово той же или другой части речи (слова мотивированное), последнее как бы удваивает свои семантические возможности. В итоге производное слово объединяет разные начала, например, процессуальное и предметное (образование абстрактных отглагольных имен – отвлеченные названия действия) или предметное и признаковое (при образовании относительных прилагательных, которые обозначают признак через указание на его связь с предметом) (Кубрякова 1989: 160). Итак, место, занимаемое дериватом в системе представлений знаний носителей языка, соотносится с группой однокоренных слов и со словами той же словообразовательной модели.

Исследование словообразовательного гнезда должно включать определение его наиболее часто употребляемых единиц. Поэтому мы проанализировали материалы «Частотного словаря русского языка», а также провели работу по выявлению частоты употреблений единиц словообразовательного гнезда «политика».

Наш анализ опирается на объективные данные, демонстрирующие частотность и приоритеты в употреблении носителями языка единиц

словообразовательного гнезда слова «политика». Исследование функционирования словообразовательных единиц в тексте помогает уточнить концептуальную семантику и функции дериватов, а также позволяет обогатить словообразовательное гнездо единицами, не указанными в «Словообразовательном словаре» А.Н. Тихонова [Тихонов 1982].

В настоящее время, по данным «Словообразовательного словаря», словообразовательное гнездо существительного *политика* насчитывает 84 единицы.

6.1. Общая характеристика словообразовательного гнезда «политика»

Как известно, одним из способов расширения лексического состава любого языка является деривация, т.е. образование новых слов по уже существующим словообразовательным моделям с помощью тех словообразовательных средств, которые активно «работают» в языке. Этот способ является продуктивным, ибо деривационные возможности языка безграничны.

Распределение основных производных слова «политика» по словообразовательным цепочкам.

Схема показывает, что участие русских морфем, бесспорно, активизируется семантическими возможностями самого слова *политика*. Это наблюдается не только в «русском языковом узусе», но и в газетно-публицистическом дискурсе.

В данном словообразовательном гнезде мы можем выделить следующие способы словообразования:

- суффиксальный (например, *политикан* (суффикс –**ан** со значением ‘действующее лицо’ с негативной семантикой; если в русском языке эта модель была ранее непродуктивна, то сегодня этот суффикс активизировался и дериваты пополняют ряды разговорной лексики, например, *братан, пахан, мужлан* и др.);

политиканша (от *политикан* ‘беспринципный политический деятель, демагог’ с суффиксом –*ш* (женского пола) с пометой *неодобр.*),

политиканство (презр. «поведение и образ действия политикана»; суффикс –**ство** является негативным, ср.: *пьянство, распутство, дебоширство, разгильдяйство* и т.д.),

политизация («придание политического характера чему-нибудь», суффикс –**изациј-** со значением отвлеченного действия – наиболее продуктивная модель с насыщенным словообразовательным рядом: *ваучеризация, приватизация, демократизация, криминализация*; в данном словообразовательном ряду мотивирующей базой являются иноязычные корни). Факт присоединения иноязычного по своему происхождению суффикса –**изациј-** к основе говорит о том, что этот морф стал активным элементом русской словообразовательной системы;

аполитичность («безразличие к политике, общественной жизни», – **ость** – обозначает явление или состояние:);

- префиксальный (префиксы **а-**, **не-**, с негативной семантикой, например, *аполитический, аполитичный, неполитичный*);

- префиксально-суффиксальный (*аполитицизм* – негативный префикс **а-** и суффикс –**изм** с семантикой безразличия, неучастия в деле).

Но особенно активным в последнее время является способ словосложения с последующей субстантивацией (*политбюро, политотдел, геополитика, политзаключенный, внешнеполитический, общественно-политический, социально-политический, культурно-политический*), так как с помощью него лексико-семантическое поле слова «политика» увеличивается за счет дериватов.

В словосложении *политика* в роли как словообразовательного компонента может занимать препозицию (*политредактор, политредакция*) и постпозицию (*геополитика*).

Словообразовательное гнездо «политика» включает в себя имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия.

Именная лексика

Именная лексика занимает почти 90% всех единиц анализируемого нами словообразовательного гнезда «политика». К именной лексике относится 76 лексем данного гнезда (имена существительные – 48, имена прилагательные - 28). Однако частота употреблений указанных единиц словообразовательного гнезда невелика.

Имена существительные в данном гнезде образованы: а) от существительных (*политик – политикан - политиканша, политиканка, политиканство; политика - политизација*); б) от прилагательных (*политичный - политичность, неполитичность; аполитичный - аполитичность*); в) сложные существительные от прилагательного *политический* и существительного (политический+беседа - *политбеседа*; политическое + бюро – *политбюро*, политический+аппарат - *политаппарат*); г) от глагола + политический – *политинформация, просветить + политический – политпросвещение*; редактировать+политический – *политредакция*; мигрировать+политический – *политэмигрант*. Наиболее распространенным здесь является словосложение и модель глагол+политический.

Имена прилагательные в исследуемом словообразовательном гнезде образованы: а) от существительного с помощью суффикса (*политика – политический; политика - политичный*); б) от прилагательного с помощью префикса (*политичный – аполитичный, неполитичный*); в) от другого прилагательного + политический (*общий + политический – общеполитический; социальный + политический – социально-политический; юридический + политический – юридико-политический; внешний+политический – внешнеполитический*); г) от существительного + политический (*война+политический – военно-политический; идея+политический – идейно-политический; культура+политический – культурно-политический*). Наличие в данном словообразовательном гнезде значительного количества именных лексем очевидно. Отметим многочисленную группу двукорневых сложных слов (*политбеседа, политпросвещение, политэмигрант, общественно-политический, военно-политический, юридико-политический* и т.д.).

Глагольная лексика

Глаголы, по сравнению с другими дериватами существительного *политика*, встречаются крайне редко. В словообразовательном гнезде представлено всего четыре единицы.

В данном гнезде глаголы образуются суффиксально: например, от имен существительных (*политика - политиковать*).

Наиболее продуктивным способом словообразования для глаголов является суффиксация. С помощью этого способа образованы глаголы с новыми оттенками семантики, потому что суффикс вносит новое в значение глагола, например: *политиковать* ‘заниматься политикой’, *политиканствовать* ‘неодобр. быть политиканом’, *политиканить* ‘действовать ловко и хитро из мелких личных побуждений’ [Ожегов 1997].

Наречия

В исследуемом нами словообразовательном гнезде активность наречий представлена слабо. Наречия образованы от имен прилагательных

с суффиксами **-о-**, **-и-** (*политичный – политично; аполитичный – аполитично, аполитический – аполитически; политический – политически*).

Итак, словообразовательное гнездо слова «политика» в современном русском языке подверглось изменениям: появились новые производные, не зафиксированные в словаре: *политкорректность, политтехнологии, политсубъект, политнаперсточник, политиканствовать, глубокополитический, политизация*, и ушли в пассив другие: *политкружок, политиканиша, политиканка, политико-массовый, партийно-политический, политучеба, политзанятие, политотдел, политбюро* и мн. др. Целый ряд неологической лексики носит окказиональный характер (о чем свидетельствует индивидуальное, разовое употребление): *политмагия, политкухня, политчванство, политсундук, политбомонд, политпалата №6, политслэнг, политжаргон* и др.

6.2. «Частотный словарь русского языка» и наиболее употребляемые единицы словообразовательного гнезда «политика» в конце XIX – нач. XXI века

Из всего словообразовательного гнезда (84 единицы), представленного в «Словообразовательном словаре», в «Частотный словарь русского языка» вошло 15 лексем.

Данный словарь включает указание на употребление слова *политика* и его дериватов в четырех сферах: художественная проза (11 авторов – 12 текстов), драма (14 авторов – 8 текстов), научно-публицистические тексты (12 статей), газетно-журнальные тексты (15 статей разных изданий). В словаре фиксируется частотность лексем, а также указывается общее употребление лексемы во всех текстах. Каждая группа текстов насчитывает более 600 словоупотреблений – это составляет около 0,6

общего состава. Источниками словаря являлись тексты от работ В.И. Ленина и произведений 1968 года.

Данные «Частотного словаря русского языка» мы представим в виде таблицы, показывающей количество общих употреблений и частоту употреблений отдельных групп в текстах. Группы расположены следующим образом: художественная проза (1), драматургия (2), научно-публицистические тексты (3), газетно-журнальные тексты (4).

Лексическая единица	Общее количество употреблений во всех текстах	Частота употреблений в каждой группе текстов				Количество текстов, в которых встречаются данные единицы			
		1	2	3	4				
Политический	302	85	16	189	12	11	6	30	3
Политика	242	79	38	119	6	12	8	24	3
Политик	38	20	7	11	-	5	2	8	-
Политрук	21	21	-	-	-	1	-	-	-
Политически	10	-	3	5	2	-	2	4	1
Политграмота	10	6	1	2	1	6	1	1	1
Политбюро	10	6	1	2	1	6	1	1	1
Политико-моральный	3	-	-	2	1	-	-	1	1
Политпросвещение	2	-	-	-	2	-	-	-	1
Политуправление	2	-	2	-	-	-	1	-	-
Политзанятие	1	-	-	-	1	-	-	-	1
Политинформатор	1	1	-	-	-	1	-	-	-
Политкаторжанин	1	-	1	-	-	-	1	-	-
Политотдел	1	-	1	-	-	-	1	-	-
Политработник	1	1	-	-	-	1	-	-	-

Многие из представленных идеологически окрашенных слов не являются сейчас актуальными: они отличаются временем, революцией, советской властью, деятельностью партии большевиков. Все они на периферии поля.

Итак, «Частотный словарь русского языка» показывает, что наиболее употребляемыми из единиц словообразовательного гнезда «политика» были *политический*, *политика*, *политик*, *политрук*, *политически*. Эти лексические единицы встретились во всех рассмотренных автором словаря

типах текстов. В своем исследовании мы можем безоговорочно опираться на приведенные данные. Дело в том, что собственное исследование слова *политика* и его дериватов отражало, отражает и будет отражать изменения в менталитете носителей русского языка. Так как словарь охватывает тексты советского периода (с 1917 по 1968 гг.), то нами сделана попытка продолжить хронологию употребления этих лексем. Слово *политика* и его дериваты рассмотрены нами в следующей хронологии:

1) конец XIX - нач. XX в. (5 авторов, 9 произведений; газетно-журнальные тексты («Правда», «Искра»): А. П. Чехов (1), М. Горький (4), А. Блок (1), Л.Н. Толстой (2), Седых (1);

2) середина XX века (1925-1980) (5 авторов, 5 произведений; газетно-журнальные тексты): А.Н. Островский, В.Г. Короленко, А.Н. Толстой, А. Гайдар, А. Фадеев (мы опирались также на данные «Частотного словаря русского языка»);

3) конец XX в. - нач. XXI в. (центральные и периферийные периодические издания): «Российская газета», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Молодость Сибири», «Коммерсант», «Московский комсомолец», «Советская Россия» и др.

В ходе анализа было рассмотрено более 500 словоупотреблений.

Сравнивая три хронологически важных периода, мы проанализируем изменения в частоте употреблений единиц словообразовательного гнезда «политика», характеризующиеся различным менталитетом носителей языка.

В ходе исследования первого периода (конец XIX – нач. XX в.) были рассмотрены произведения А.П. Чехова, М. Горького, Л.Н. Толстого, А. Блока. Мы проводили выборку всех лексических единиц словообразовательного гнезда «политика».

Лексическая единица	Общее кол-во употреблений в тексте
Политика	56
Политический	49
Политик	23
Политикан	13
Политиканствовать	5
Политиканство	2
Политизировать	2
Политкаторжанин	2

Итак, наиболее употребляемыми из единиц словообразовательного гнезда «политика» в конце XIX – нач. XX в. были: *политика, политический, политик, политикан.*

Что касается второго периода (середина XX в. (1925-1980 гг.)), то здесь мы рассмотрели 5 произведений следующих авторов: А.Н. Островского, А.Н. Толстого, А. Гайдара, А. Фадеева, В.Г. Короленко и газетно-публицистические тексты 80—х гг. XX в., т.к. публицистический текст особенно динамично отражает социальные и культурные изменения в обществе.

Были получены следующие данные:

Лексическая единица	Общее кол-во употреблений в тексте
Политический	78
Политика	60
Политик	29
Политотдел	15
Политически	12
Политинформация	12
Политичный	10
Политикан	6
Политминимум	5

Политпросветработа	3
Политрук	3
Политредакция	3
Политуправление	2
Политиковать	1

Таким образом, в данный период чаще всего употреблялись следующие единицы словообразовательного гнезда «политика»: *политический, политика, политик, политотдел, политически, политинформация*. Учитывая результаты, полученные авторами «Частотного словаря русского языка», мы полагаем, что самыми употребляемыми единицами конца XIX – 1980 г. (XX в.) являлись *политический, политика, политик, политикан, политотдел*.

В ходе исследования единиц третьего периода (конец XX – нач. XXIв.) были проанализированы центральные и периферийные периодические издания: «Российская газета», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Молодость Сибири», «Коммерсант», «Московский комсомолец», «Советская Россия» и др. В период перестройки (1992 г.) произошло резкое обновление языка газеты. Отмена цензуры, идеологических табу, строгих стилевых установок привели к раскрепощению традиционно нормированного газетного языка. Общее направление изменений можно определить как демократизацию языка СМИ. Язык перестройки - это новый стиль выражения, характеризующийся свободой мышления и выбора языковых средств, отказом от стереотипов.

Вот какие результаты мы получили:

Лексическая единица	Общее кол-во употреблений в тексте
Политический	130
Политика	60

Политик	15
Политтехнология	12
Политсубъект	8
Политтехнолог	7
Политкорректность	5
Аполитичный	1
Политизация	1
Геополитика	1
Политикан	1

Таким образом, в конце XX – нач. XXI в. самыми популярными единицами словообразовательного гнезда «политика» были *политический*, *политика* и *политик*.

Итак, рассмотрение частоты употребления единиц словообразовательного гнезда «политика» в течение трех периодов в истории России помог нам выявить самые употребляемые в данные периоды единицы:

конец XIX - нач. XX в.	середина XX века (1925-1980)	конец XX в. - нач. XXI в.
политика, политический, политик	политический, политика, политик	политика, политический, политик, политтехнология, политтехнологи

В итоге это одни и те же единицы. В конце XIX в. – нач. XX в. частотными были лексемы: *политикан*, *политкаторжанин*, которые в последнее время утратили свои позиции. В советское время доминирующей в газетах была возвышенно-торжественная тональность: такие единицы, как *политбюро*, *политпросветработа*, *политрук*, *политинформация*, являлись популярными. Общее направление развития языка газеты в тот период – сильнейшая идеологизация, политизация этого языка.

Отмеченные колебания частотности единиц словообразовательного гнезда «политика» можно объяснить тем, что газетный лексикон резко расширяется: в него вливается разговорная речь, язык улицы, жаргон.

За последние несколько десятков лет газетно-публицистическая речь претерпела заметные сдвиги в плане снижения декларативности, расширения содержательного и, соответственно, языкового диапазона, усиления аналитичности, интеллектуальной насыщенности и влияния научного стиля; в плане дальнейшего сближения с повседневной жизнью народа и усиления влияния разговорного стиля, общего повышения содержательно-коммуникативной ценности слова.

§7. Функционирование единиц словообразовательного гнезда «политика» в газетно-публицистической речи

Функционирование единиц словообразовательного гнезда слова «политика» в тексте актуализирует эпидигматические связи, в которых это слово находится. Рассматривая функциональный аспект, мы выявим периферийную семантику лексемы и сделаем наблюдения относительно содержательных признаков концепта.

В ходе исследования функционального аспекта единиц словообразовательного гнезда «политика» нами было проанализировано более 600 словоупотреблений, полученных из газетно-публицистической речи конца XX – нач. XXI в.

В результате мы сделали некоторые наблюдения над функционированием самых употребляемых единиц словообразовательного гнезда *политический* и *политик* в тексте.

7.1.Синтагматические особенности слова «политик»

В политической энциклопедии *политик* (от лат.-греч. *politikus* – государственные или общественные дела) – лицо, более или менее постоянно, на общественной или профессиональной основе участвующее в политической деятельности. Как правило, это государственные деятели, руководители политических партий, движений, уполномоченные представлять соответствующие организации, принимать решения от их имени (Семигин 1999).

В словаре русского языка С.И. Ожегова дается такое определение: «политик – политический деятель, лицо, занимающееся вопросами политики». Например: *знаток политики; дальновидный политик.*

Слово *политик* в языке имеет нейтральную окраску, является именем существительным мужского рода, одушевленным (обозначает лицо по роду политической деятельности). Оно тесно взаимодействует со словом *политика* в его первом значении и сочетается, таким образом, с именами прилагательными положительной оценки. Например: *дальновидный политик, здравомыслящие политики.*

Для сравнения можно обратить внимание на толкование слова *политик* в словаре В. Даля: «Политик – умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель; вообще скрытный и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу, кстати, молвить и вовремя смолчать» (Даль, 1994). Например: *лихие политики, пещерный политик.*

В отличие от толкования этого слова, в словаре С.И. Ожегова (1997), В.Даль представляет это значение с негативной оценкой.

Слово *политик* имеет одно значение - «государственный деятель»:

- 1) лексико-семантическая сочетаемость с прилагательными актуализирует:
 - а) положительную оценку: *неподкупные политики, здравомыслящие политики;*
 - б) негативную оценку: *хитрый политик, ловкий политик;*

- 2) лексико-семантические связи ограничены с существительными: *искусство политика*;
- 3) лексико-семантические связи с глаголами не отражаются.

Анализируя модели сочетания со словом *политик*, можно увидеть расширение синтагматических связей. Но, тем не менее, на газетной полосе нами обнаружено ограниченное количество сочетаний. Можно выделить такие сочетания слова *политик* с прилагательными положительной оценки: *неподкупный политик, здравомыслящие политики* и др. «В те годы Эдуард Амвросиевич слыл в нашей стране самым *неподкупным политиком*» (Рос. газета. 2002. №146).

«...не давать визу Лужкову – провокация, считают *здравомыслящие латвийские политики*» (Рос. газета. 2002. №146).

«Сейчас все *политики* более или менее прагматики» (Рос. газета. 2002. №79).

Уместно вспомнить об определении слова *политик* в «Словаре живого великорусского языка» В. Даля, который дает значение с негативной оценкой.

Например: «Шеварнадзе сейчас считают *пещерным политиком*» (Рос. газета. 2002. №146).

«Парадоксально, но факт: в то время как *лихие политики* молодецки поигрывают бицепсами...» (Рос. газета. 2002. №143).

В данных моделях реализуются оценочные характеристики лиц, а именно «занимающихся политической деятельностью». Эти оценки в газетных текстах несут чаще всего иронический оттенок.

Слово *политик* на газетной полосе существенно обогащается. Но при этом сохраняя те же ЛСГ (с положительной и отрицательной оценкой).

Значения данных слов раскрываются в кратких определениях, достаточных для понимания самих слов и их употребления. А также показана многозначность этих слов. При помощи специальных помет отражается сфера употребления этих слов и расслоение современной

русской лексики. А именно: 1) расширение семантической структуры по сравнению с языком-источником; 2) появление нового значения, «мигрирование» в разговорную сферу.

7.2. Синтагматические связи слова «*политический*»

Согласно показаниям толкового словаря и словарей сочетаемости, слово *политический*, -ая, -ое (лат.-греч. *politicus*, а, um – касающийся государственных дел; рассматривающий политические вопросы) в языке-источнике имело два значения:

- 1) см. политика.
- 2) государственно-правовой.

Например: политическая организация общества; политический режим (Ож., Шв. 1997).

В современном русском языке слово *политический* также имеет два значения: 1) относящийся к деятельности; 2) относящийся к вопросам и событиям общественной и государственной жизни.

Прилагательное *политический*, -ая, -ое входит в состав ряда именных словосочетаний, употребляющихся в газетно-публицистической речи и образованных по модели прил.+сущ.: *политический марафон, политическое решение, политическое урегулирование вопроса* и т.д.

В первом значении в сочетаниях с именами существительными можно выделить такие лексико-семантические группы:

имена существительные отглагольного действия со значением процессуальности: *политическая борьба, политические трения*; воздействия: *политическое воспитание*; а также агентивные имена: *политические бойцы*.

Во втором значении в словарях представлены такие модели сочетаемости: *политический режим, политическое устройство* и др.

Данное слово способно сочетаться с именами существительными по грамматическим законам. Можно выделить общую сему «касающийся этой сферы деятельности».

Производное слово *политический* в языке-источнике имело два значения. В современном русском языке оно сохранило эти значения. Так, в первом значении слова *политический* «касающийся этой сферы деятельности» можно выделить такие сочетаемостные свойства, которые реализуют и отражают специфику отношения к общественно-политической деятельности:

- а) с именами существительными, обозначающими виды и формы деятельности (политический результат, успех);
- б) с именами существительными, относящимися к сфере политики (политическая борьба, политическое воспитание).

Во втором значении представлены такие сочетания, как *политический режим, политическое устройство* и др.

Модели сочетания со словом *политический* в газетно-публицистической речи расширяются. Так, в первом значении «относящийся к деятельности» эти модели реализуются в сочетании с существительными агентивного значения: *политические реформаторы, рыбаки, бойцы, политический деятель, обозреватель, заказчик*.

«Плеяда квалифицированных *политических бойцов*» (Сов. Россия. 2002. №119).

«Пустые сети *политических рыбаков*» (Сов. Россия. 2002. № 119).

Рыбак - специалист по добыче рыбы. Контекст дает примеры стилистического рассогласования, реализующее оценочно-ироническую сему.

В данном случае в словосочетаниях дана характеристика различных политических деятелей, чаще всего с негативной оценкой.

При расширении лексической сочетаемости в ЛСГ включаются такие слова, как **насилие, грязь, давление**, которые дают отрицательную

оценку деятельности лица, группы, партии и эпохи. Например: «...возбудив общественное мнение против *политического насилия и грязи*» (Сов. Россия. 2002. №119).

Грязь – «безнравственность, бесчестность в личных или общественных отношениях»; насилие – «притеснение, беззаконие».

Данные слова в сочетании со словом *политический* в этом контексте употребляются в переносном значении. Имеют общую сему «нечестное, плохое».

Далее рассмотрим существительные **мотив и подоплека** в сочетании с термином *политический*, имеющим значение «относящийся к событиям общественной жизни».

«Это уже напоминает преследование по *политическим мотивам*» (Рос. газета. 2002. №52).

«...решение администрации США об одностороннем выходе ПРО имеет *политическую подоплеку*» (Сов. Россия. 2002. №119).

Данные слова в контексте «политизируются», приобретают несколько иную семантику.

При рассмотрении моделей сочетания слова *политический* с существительными **борьба, воля** можно выделить общую сему «цель». Слово *политический* здесь выступает в значении «относящийся к деятельности». Например:

«Вы же понимаете, многопартийный парламент, в котором всегда присутствует *политическая борьба*» (Рос. газета. 2002. №53).

«Если нет *политической воли* – не получится ничего» (Рос. газета. 2002. №105).

Газетно-публицистическая лексика последних лет интенсивно пополняется иноязычными словами: *либерализм, терроризм, бомонд, антипартия, генофонд* и т.д., которые все чаще употребляются с термином *политический* во втором значении «относящийся к вопросам и событиям общественной и государственной жизни».

Например: «США пытаются расширить в мире «зону *политического либерализма*» (Рос. газета. 2002. №152).

«Это уже либо «покушение на убийство», либо *политический терроризм*, т.е. просто преступление...» (Рос. газета. 2002. № 106).

При помощи иноязычной лексики происходит «обновление пластов» политической терминологии, но при этом частично меняется семантика этих слов.

Если сопоставить прежние «словарные» значения таких слов с их новым «политическим» осмыслением, то можно увидеть весьма существенное «приращение смысла» в новом терминологизированном значении.

Рассмотрим далее модели сочетания слова *политический* во втором значении. Например:

«Все это – *политические раскаты*, последовавшие за «сработавшими», как им как раз и положено, выборы» (Сов. Сибирь. 2002. №52).

«В Молдавии продолжают *политические страсти* вокруг федерализации страны» (Рос. газета. 2002. №105).

«Путин сдает *политическое наследство* державы» (Сов. Россия. 2002. №119).

Выводы

1. Происходит значительное расширение сочетаемости слова *политический* с существительными в первом значении количество:

- а) названия лиц;
- б) существительные, обозначающие совокупности людей;
- в) относящимися к сфере интеллекта и обозначающие продукт умственной деятельности;
- г) со значением процессуальности, протеканием во времени;
- д) существительные, обозначающие виды и формы деятельности;

- е) названия отрезков времени;
- ё) обозначающие определенное место деятельности;
- ж) направления;
- з) со значением постоянства;
- и) преодоления;
- к) отвлеченного действия;
- л) причины.

Во втором значении можно выделить пять групп:

- а) состояния;
- б) каких-либо чувств, эмоций;
- в) абстрактные существительные;
- г) цвета, окраски;
- д) пространства.

2. Сочетание с иноязычной лексикой (*политический либерализм, терроризм, генофонд, шоу, уикэнд* и др.).

3. Сочетаемость с терминами из другой сферы науки: *политический кризис, политическая болезнь, политическая потенция, политпросвещение* и др.

Значительная активность проявляется в словосочетаниях с производными.

Тенденция к экспрессивизации в газетно-публицистической речи резко обозначена и в сочетании сложных слов с компонентом *политический* (*политкорректность, политсубъект, политструктура, политкино, политбомонд*).

Таким образом, в газетно-публицистической речи активизировались такая модель как *полит+существительное* (*полититолерантность, политкриминал, политбеспредел, политбомонд*) и, как следствие, мы наблюдаем появление неологизмов, которых нет в русском языке.

Целый ряд среди неологической лексики носит окказиональный характер (о чем свидетельствует индивидуальное, разовое употребление): *политмагия, политкухня, политсундук, политчванство*.

Итак, словообразовательное гнездо слова «политика» в современном русском языке подверглось изменениям: появились новые производные (не зафиксированные в словаре): *политкорректность, политтехнологии, политсубъект, политнаперсточник, политиканствовать, глубокополитический, политизация* и некоторые исчезли (*политкружок, политиканша, политиканка, политико-массовый, партийно-политический, политучеба, политзанятие, политотдел, политбюро* и мн. др.).

Что касается сферы употребления производных, то наши наблюдения показали, что значительная часть производных существительных и производных прилагательных детерминологизировались, как и само слово *политика*. Такие производные слова неспециального характера усиливают многомерность, комплексность концепта «политика», расширяя его семантическое поле за счет появления и «усиления» негативной семы, о чем свидетельствуют такие производные, как *политикан, политиканство, политиканша, аполитизм* и др.

ГЛАВА 3. Ассоциативные связи концепта «политика»

§1. К теории свободного ассоциативного эксперимента

Ассоциативный эксперимент является наиболее разработанной техникой семантического анализа (В.Ф. Петренко) и относится к психолингвистическим методам языкознания. Этот метод подробно описан в работах А.А. Брудного, Б.А. Ермолаева, В.Ф. Петренко, А.А. Леонтьева и др. Ассоциативный эксперимент – часть концептуального анализа, т.к. позволяет через вербальные ассоциации эксплицировать периферийные признаки концепта. Ядерные характеристики концепта определяются благодаря анализу словарных дефиниций слов – имен концептов. Другие методы концептуального анализа служат для построения более полной содержательной структуры концепта.

Изучение ассоциаций берет свое начало еще из работ Аристотеля. Дж. Диз впервые обнаружил единство психологической основы ассоциации и семантических компонентов значения. В наше время существует классификация ассоциаций, согласно которой они делятся на парадигматические, которые подчиняются принципу «минимального контраста» (множество ассоциаций, даваемых на слово, содержит ряд признаков, аналогичных содержащимся в данном слове) и синтагматические (если стимул и реакция находятся в синтагматических отношениях).

Дальнейшее исследование ассоциаций позволило ученым предположить, что «в сознании людей наименования группируются в ассоциативные поля и что связи парадигматического типа... - это лишь частный случай сложных связей в ассоциативном поле» (Сахарный 1989: 93).

С.В. Лебедева отмечает, что «некоторые параметры близости значения слов в индивидуальном сознании носителя языка обнаружат себя

в ассоциативных связях, так как с ассоциативным полем тесно связаны концепты, существующие в сознании» (Лебедева 1992: 116).

По мнению А. Вежбицкой, «концепт имени охватывает преломление всех видов знаний и явлений, которое за ним стоит», т.е. концепт представляет собой объект, имеющий имя и отражающий определенные представления человека о мире.

А.А. Залевская высказывает мнение о том, что ассоциативная организация связей в простейшей форме репрезентирует одну из моделей хранения знаний в памяти человека такая организация мыслится как некая форма семантических сетей, существующих в сознании.

Различают свободный и направленный ассоциативный эксперимент. Схема ассоциативного эксперимента такова: испытуемым предъявляется слово-стимул и требуется дать первые пришедшие на ум ассоциации. Далее «совокупность ответов, ранжированная в соответствии с частотой появления их у испытуемых и по другим признакам, интерпретируется как структура некоторого «ассоциативного» значения, в форме которого проявляются скрытые от прямого наблюдения и самонаблюдения испытуемых семантические компоненты слова, составляющие иерархию тех семантических признаков, в соответствии с которой происходит порождение, поиск слова в некотором семантическом пространстве... и которая тем самым оказывается своеобразной ориентировочной основой такого поиска, как семантическое программирование слова и высказывания» (Ермолаев 1987: 90).

Свободный ассоциативный эксперимент занимает особое место среди методов семантического исследования. При достаточном количестве испытуемых (более 100 человек) он дает надежную лингвистическую и психологическую информацию. Эксперимент можно проводить с большой группой испытуемых одновременно – это просто и удобно при подсчетах и выявления различных ассоциативных группировок.

К недостаткам свободного ассоциативного эксперимента относят его чувствительность к фонологическому и синтаксическому сходству и то, что он опирается на языковую интуицию испытуемых.

Л.В. Сахарный к недостаткам относит также трудности выявления малочастотных ассоциаций. Однако для исследования концепта именно это свойство свободной ассоциации является наиболее значимым, так как позволяет выявить устойчивые связи, отражающие представления носителей языка.

§2. Данные «Русского ассоциативного словаря» по отношению к языковой экспликации концепта «политика»

В «Русском ассоциативном словаре» 1996-1998 гг. содержатся элементы наивной языковой картины мира русских и черты их национального характера. Словарь позволяет проникнуть в социальную память, сознание носителей языка, представленного в виде ассоциативно-вербальной сети, которая служит способом репрезентации языка.

«Русский ассоциативный словарь» помогает выявить элементы, входящие в «образ мира», характерные для современного русского языка: систему ценностных ориентаций, меру представленности знаний в сознании, ментальный климат.

«Русский ассоциативный словарь» - такая модель сознания, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями (вербальными или невербальными) о русской культуре, в результате которых у пользователя словаря формируется представление о фрагменте образного мира, если этот пользователь - носитель русского языка и русской культуры. В то же время «Русский ассоциативный словарь» является отображением моделируемых способностей вербальной памяти «усредненного» русского, принадлежащего к определенному поколению:

«Русский ассоциативный словарь» есть не что иное, как модель знаковой языковой системы, указывающая на образы сознания коммуникантов... (Русск.ассоц.сл. 1994: 7).

Совокупность знаний фиксируется в ассоциативно-вербальной сети. Условно их можно разделить на три части:

1) То, что представляет собой экстралингвистическую информацию, запечатленную в словах, словосочетаниях, предложениях, называющих и характеризующих предметы и явления текущей жизни носителей языка, из повседневного взаимоотношения и общения, реалии окружающей их действительности. Среди этого разнородного множества есть переменные, навеянные активным состоянием дел в политике, общественной жизни, и есть феномены относительно долговременные, постоянные, со страноведческими особенностями русской жизни, чертами национального характера, историей народа и мира.

2) Эту часть можно назвать диалоговой и считать, что она служит отражением языкового сознания носителей, поскольку содержит элементы рефлексии по поводу языка, национальной культуры, дает в реакциях оценку понятиям, событиям и типовым ситуациям русской действительности.

3) Самая осязаемая ассоциативно-вербальная часть знаний, которая остается для большинства носителей, видимо, недоступной, касается устройства самого языка, его поуровневой структуры – фонетики, морфологии, синтаксиса, то есть грамматики в широком смысле слова и лексики с ее сложной системой, с ее распределением по разным стилям речи. Эта часть информации отражает интуитивное знание языка носителями.

Поскольку «Русский ассоциативный словарь» представляет собой слепок с ассоциативно-вербальной сети, отражающей организацию языковой способности человека, в нем содержится информация, которая относится ко всем трем уровням языковой личности: грамматико-

семантическому (т.е. «языковому» в узком смысле слова), когнитивному (или уровню знаний о мире) и прагматическому.

Анализ «Русского ассоциативного словаря» позволяет выявить коннотативные признаки слов, так как толковый словарь не дает коннотативных сведений о слове (В.Н. Телия), об уточняемом понятии. Толковые словари дают только ядерные элементы смысла концепта и не дают ассоциативной периферии, без которой невозможно судить о социально-культурных, оценочных, национальных компонентах.

Исследования «Русского ассоциативного словаря» должны показать, как в сознании современного русского человека вербализуется слово «политика», появляются ли какие-либо новые смыслы, которые могут как-то выявить состояние нашего социума.

Итак, «Русский ассоциативный словарь» содержит следующие слова-реакции на имя исследуемого концепта:

«Политика»: грязная, партии 10; грязь, Ельцин 5; грязное дело 4; Горбачева, страны 7; внешняя, газеты, государства, государственная, дерьмо, новости, скука, телевизор, экономика 7; бардак, беседа, в стране, власть 5, внутренняя, гадость, грязно, далеко, дело; для тех, кто понимает; Дума, Ельцина 3, ерунда, жизнь; Жириновский 4; журнал, закулисные игры, история, клубок обрезков, либеральная, массовое сознание, международный, мир, на высоте, надоело, наша, не для нас, невмешательства, неинтересно, неправильная, нет решений, неуютность, нужна, обманная, плохая, подлость, политикан, правительство, президент, протекционизм, России, смерти, спор, стилистика, страшное дело, съезд, успех, человек, черная, что-то запутанное, чушь, экономическая 2; дрянь; большая, ерунда, КПСС, перестройки 2; TV, бред, вздор, военного коммунизма, война, гадость, деловой, долой, дурацкая, зачем, игра, искусство, канонерок, кнута, коммунизм, конструктивная, кризисная, лавирования, лидер, ложь, маразм, милитаризма, мировая, мура, наука, не нужно, не понимать, непонятная, нечистоплотность, низкая, новая, нудная,

обман, обновления, плохо, правды, привилегия, путаница, равнодушие, разруха, сложная, современная, темный лес, угощение, хорошее дело, честная.

Данные ассоциации мы разделили на несколько групп, отражающих разные стороны фрагмента экспликации концепта «политика» в русском языке:

1) характеристика политики:

а) сфера распространения (*мировая, международная, экономическая, внешняя, внутренняя, государственная*);

2) качества, оценка, реакция со стороны окружающих:

а) положительная (*честная*);

б) отрицательная (*грязная, неправильная, обманная, плохая, черная, дурацкая, нудная, низкая, кризисная; чушь, ерунда, гадость, маразм, бред, вздор, долой, дрянь, ложь, мура, грязь, дерьмо, бардак, разруха, нечистоплотность; грязно, надоело, неинтересно, не нужно, плохо, нет решений; страшное дело, грязное дело, что-то запутанное, не для нас, путаница, темный лес*);

3) субъекты политики: *Ельцин, Жириновский, Горбачев, президент, человек, политикан, Дума, правительство*;

4) способ распространения информации о политике: *газеты, телевизор, новости, журнал, беседа, спор*;

5) смежные с политикой области: *экономика, искусство, наука, стилистика, история*;

б) способы ведения политики: *кнут, закулисная игра, подлость*;

7) реалии политического прошлого: *КПСС, перестройка, военный коммунизм, съезд, коммунизм*;

8) оптимистическое будущее политики: *хорошее дело, обновление, угощение, нужна, на высоте, мир, успех*.

«Русский ассоциативный словарь» в качестве стимулов предлагает не только существительное *политика*, но и словоформы *политический*,

политик и др. Данные словаря содержат, в основном, личностные, редко повторяющиеся ассоциации: **политический** – *деятель* (15), *лидер* (11), *скандал* (5), *анекдот* (4); **политик** – *бизнесмен* (13), *лживый* (9), *возвышенный* (5), *президент* (3) и т.д.

Анализ «Русского ассоциативного словаря» демонстрирует недостаточность полученных сведений об ассоциативных связях и единицах ассоциативного поля «политика», нужных для исследования концепта «политика», это указывает на необходимость проведения свободного ассоциативного эксперимента в рамках исследования концепта «политика».

§3. Анализ ассоциативного эксперимента

Испытуемые. Испытуемыми в проведенном нами ассоциативном эксперименте являлись 136 студентов вузов нефилологических специальностей.

Экспериментальный материал. В качестве материала использовались слова *политика*, *политический*, *политик*.

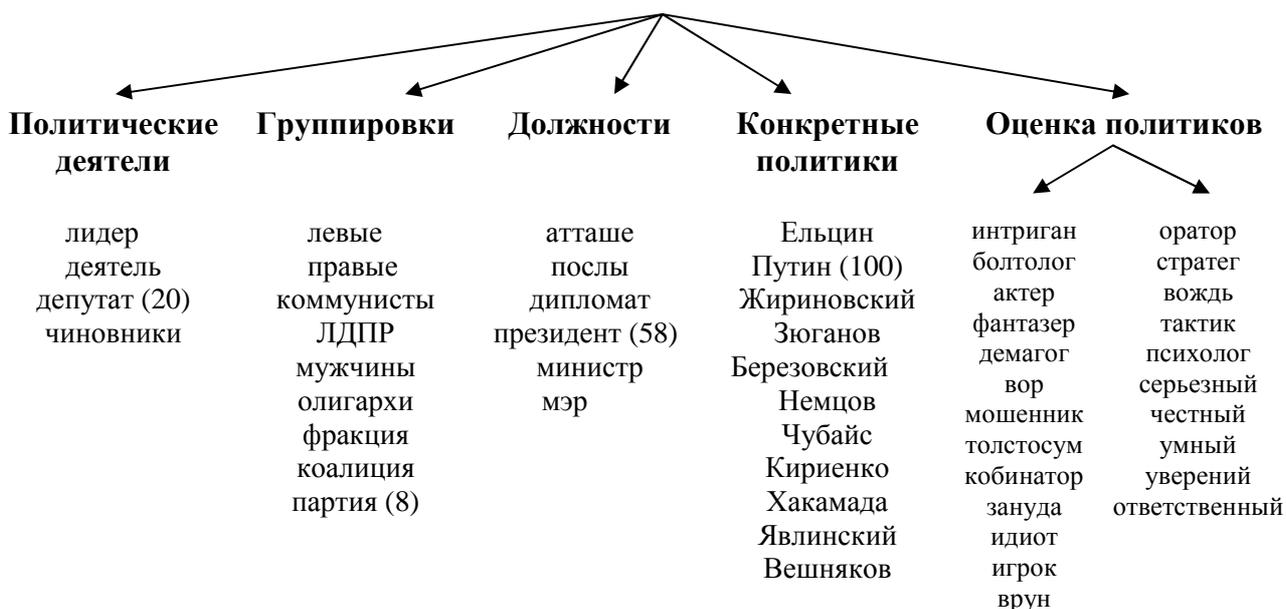
Инструкция. Участникам эксперимента был задан вопрос: «Какие ассоциации возникают у вас, когда вы слышите слово *политика*?»

Результаты и анализ.

1. В результате проведенного свободного ассоциативного эксперимента нами получены наиболее частотные слова-реакции: *президент* (58%), *власть* (36%), *дума* (20%), *деньги* (14%), *партия* (8%) и единичные слова-реакции, например: *игра*, *интриги*, *закон*, *Москва* и др.

Таким образом, мы можем выявить следующие парадигмы в составе ассоциативного поля «политика» и на их основе представить, какая же *политика* существует в русском языковом сознании.

Политика – Субъекты политики

Ментальность русского народа связывается с конкретными личностями, поэтому эта группа преобладает. Наиболее частотной реакцией является фамилия Путин (100). «Если избираем, то выбираем хорошего человека», - написали студенты. У современных политиков ярко выражена харизма, т.е человек в политике - это личность знаменитая и популярная - Жириновский (80). Однако такие реакции как болтолог (10), актер (5), врун (5), фантазер (3), демагог (3) мы тоже связываем с субъектами политики. Негатив порожден нестабильностью в обществе. В политике – хитрые (15), лицемерные (10), скандальные (10), двуличные (6) персоны. Перед нами очень «пестрая» социальная структура с разными интересами. Это касается и множеств группировок, партий (8), объединений (5), которые диаметрально противоположны друг другу и являются представителями определенных слоев населения, групп бизнесменов, но не простого народа. Но более 20% опрошенных все же верят, что есть еще среди политиков грамотные (15), разбирающиеся в законах (8), ответственные (6), честные (4) люди.

ПОЛИТИКА – ЗАКОН

конституция (20)
законодательство (3)
законы (5)
демократия (10)

Учитывая небольшое число реакций, можно сделать вывод о том, что русский гражданин находится за пределами правового поля. Закон человека не защищает, и оперировать законом он не может. В связи с этим мы выделили такие факторы: в стране существует

- правовой «беспредел»;
- правовая безграмотность населения;
- неразвитая система органов правопорядка (судебных органов).

политика - финансы

банк
бюджет
налоги
деньги (14)
коррупция
курс доллара
дорогие цены
денежные махинации

Политика – это дело денежное. Она связана с вложением и получением денег (14). Политические деятели перераспределяют «финансовые потоки» в свою сторону. Статус депутата в обществе порождает денежные махинации (10) и коррупцию (10). Политика – это корыстное дело. А для простого народа остается «вечно» обсуждающийся бюджет (8), варьирование курса доллара (6) и регулярное повышение цен (6).

политика – выборы

агитация
перевыборы
референдум
пустые обещания
демагогия
казачьи убийства

интриги
гонки
выборы (25)
голосование
криминал

Выборы (25) для русского человека – это единственная форма участия в политике, хотя они ассоциируются, прежде всего, с пустыми обещаниями (15), заказными убийствами (10), интригами (6), демагогией (5). «Не надо нам выбирать, дайте нам умного» или «Неважно, как ты проголосуешь, важно, как тебя «посчитают» - эти реплики испытуемых говорят о том, что люди не верят в честную избирательную кампанию. В депутаты идут криминальные авторитеты (10). Происходит криминализация органов власти: чтобы легализоваться, надо пройти через выборы.

политика – СМИ

«Намедни»
разговоры
репортеры
спичрайтеры
телевидение
телевизор
новости
вопросы
газета
точка зрения
споры (20)
дискуссия
дебаты

Средства массовой информации – канал восприятия информации о политике. Телевидение (10), газеты (10) повышают интерес к политике. Споры (20), дискуссии (15), дебаты (11) – возникают из-за разных точек зрения на ту или иную проблему.

политика – документы

постановления
декларация (18)
указы
документы

Указы (6) и постановления (4) влияли на жизнь русского народа, определяли жизнь людей, а теперь из числа реакций мы видим, что многие документы не доходят до рядового человека, соответственно, их можно и не доносить в массы. Они остаются только на бумаге.

Что касается декларации (самая частотная реакция этой парадигмы: 18) - «официальный документ с сообщением сведений о доходах», то это для определенного слоя населения (новых русских). Какой будет налоговая политика, такой будет и декларация. Эта политика будет воздействовать на их жизнь.

политика – история

КПСС
СССР
Николай II
церковь
холодная война
съезд
знамя
государь
смутное время
Сталин (5)
Ленин

У России непредсказуемое прошлое. В нашей стране история связана обязательно с конкретными политическими деятелями: Сталиным (5), Лениным (2), Николаем II (2). Политика управления у каждого – индивидуальная. Это право историков-аналитиков сравнивать, сопоставлять и анализировать место истории в политике наших дней.

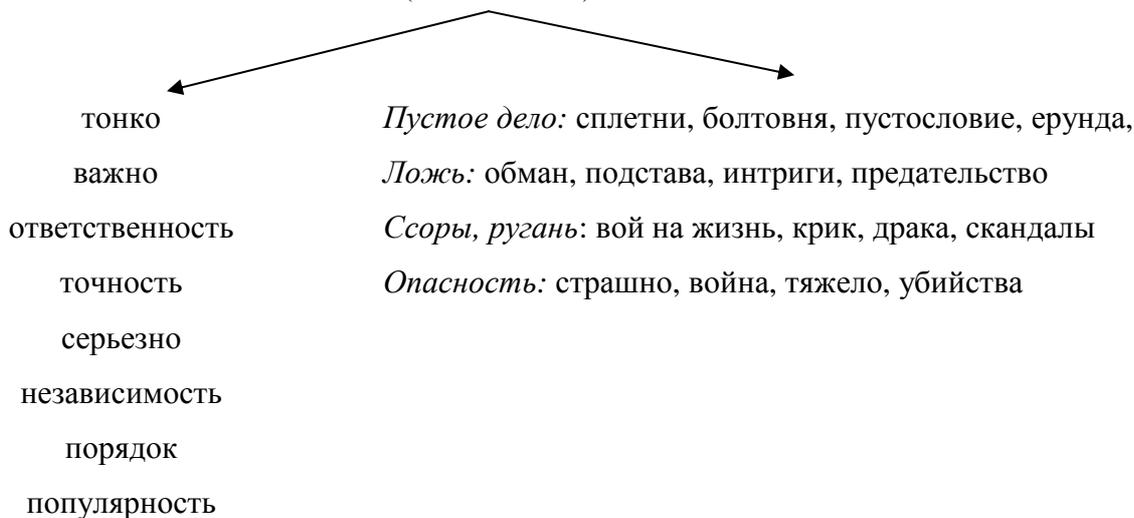
политика - местоположение

Кремль
Россия
Москва (21)
страна

Сильная власть должна управлять из центра. Москва (21) – образец для всей страны. Поэтому в Москве, Кремле (10) сосредоточена вся мощь российского государства.

качества, оценка политики

(политика – это):

Отношение к политике – негативное (большое количество реакций), т.к. политика никак не воздействует на повседневную жизнь русского человека: у него появляются такие реакции как: вой на жизнь (5), крик (3) - на повышение пенсий, на понижение заработной платы; отсутствие оптимизма – болтовня (20), ерунда (15), пустословие (10); опасность (12) для жизни – война в Чечне, убийства, падение вертолетов, авиакатастрофы. Это все политика и отношение к ней.

И только 13% всех опрошенных отметили, что политика – это важное, серьезное дело. К политике нужно подходить тонко (15), с чувством ответственности (10) и быть за порядок (10) и независимость (8).

Итак, перед нами модель ситуации, которая существует в русском языковом сознании относительно явления «политика». Здесь есть субъекты, оценка, качества политики, отношение к политике. Следует заметить, что негативные реакции преобладают во всех парадигмах. Но все же носители языка градуируют свое отношение к политике.

Данные проведенного эксперимента представляют ценность для исследования концепта "политика", поскольку большинство реакций

парадигматические: они репрезентируют состав и отношение между единицами в ассоциативном поле "политика".

Выводы

Таким образом, сравнивая полученные в ходе эксперимента результаты и данные "Русского ассоциативного словаря", мы полагаем, что проведенный эксперимент представил информацию для исследования концепта "политика", поскольку полученные ассоциации репрезентируют микропарадигмы, существующие в ассоциативном поле. Мы обогатили концептуальное пространство "политика" новыми единицами: *олигархи, декларация, коррупция, бюджет, махинации, демагогия, криминал, споры Москва, болтология.*

Анализ языкового проявления концепта «политика» в русской языковой картине мира позволил описать ядерные признаки концепта, определить основные парадигмы, демонстрирующие структуру концепта, а также выявить представления о концепте в сознании носителей языка.

Основными смысловыми парадигмами, эксплицирующими структуру концепта «политика», являются:

- политика – власть;
- политика – деньги;
- политика – война;
- политика – дело;
- политика – искусство;
- политика – оценка (положительная, отрицательная);
- политика – мнение (старшее поколение, студенты);
- политика – социум (окружение, реакция окружения);
- политика – конкретные лица.

Поскольку структура концепта являет собой поле, то возможно наложение некоторых парадигм.

Наивное понимание политики предполагает то, что политика – это, прежде всего, искусство управлять государством; урегулирование государственных и общественных дел.

Политика в сознании носителей языка ассоциируется с конкретными лицами, оценкой ситуации, отношением к ней, что позволяет назвать некоторые содержательные признаки концепта:

- политика – деятельность (*агрессивная, алкогольная, безопасности*);
- в политику идут (*податься в политику, заиграться в политику, быть в / вне политики*);
- политика – реально существующее событие, ситуация (*патологическая, больная, вялая*);
- адресность политики усиливается (*политика директора, политика Басилашвили, думская политика*);
- политика и другие науки (*литературная политика, языковая политика*);
- политику оценивают (*тупая, странная, шкурная, непродуманная, ненавистная*);

Содержательные признаки концепта в менталитете русского человека подвергаются активной семантической трансформации, стилистической «раскрепощенности» и функциональной значимости. Примечательно то, что каждый из вышеназванных содержательных признаков концепта *политика* часто попадает в спектр негативной оценки, а это яркое свидетельство о нестабильности в современном русском социуме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существует широкий и узкий подход к описанию концепта. Широкий подход предполагает лингвокультуроведческий анализ лексики, имеющей определяющее значение в каком-то фрагменте человеческой культуры. Концепт в сознании человека связан с определенными эмоциями, переживаниями, ассоциациями и т.д. При описании концепта в широком понимании выявляются эти элементы и связь между ними. Узкий подход к описанию концепта понимается как анализ семантической структуры и прагматических функций отдельного слова, рассматриваемого в качестве культурного явления со своей специфической его историей.

Концепт, по словам Ю.С. Степанова, имеет «слоистое» строение. При его описании нужно выявить все «слои»: во-первых, буквальный смысл и внутреннюю форму или этимологию концепта, во-вторых, глубинный слой, существующий в современном состоянии культуры, в-третьих, слой новейший, наиболее активный. Ю.С. Степанов считает его наиболее актуальным слоем концепта.

В нашей работе мы опирались на определение концепта, предложенное Е.С. Кубряковой и В.Н. Телией. Концепт – «информационная структура, которая отражает знания и опыт человека, всю картину мира, процессы познания мира» (Кубрякова); «отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности..., все то, что мы знаем об объекте во всей экстенции этого знания» (Телия 1996).

Принимая положение о том, что ЛЗ – это наивное понятие, полагаем, что целесообразно считать лексическое значение слова ядром концепта, в котором выражены главные, центральные содержательные признаки концепта.

Изучение характеристик каждого концепта – это анализ единиц и парадигм («группа слов, имеющих общий семантический признак и

различающиеся друг от друга признаки») концептуального пространства. Все они имеют план выражения в языке и речи, включая и индивидуальную речь. Ключевые слова концепта должны быть рассмотрены в лексикографических источниках, в их парадигматических, синтагматических и эпидиматических связях, а также в дискурсе отдельной языковой личности, важном для создания полной картины содержательного пространства концепта, которое мы называем полем концепта. Оно динамично, в нем постоянно происходит перераспределение элементов, т.к. изменяется отношение носителей языка к компонентам концепта.

Описывая концепт, мы использовали следующие приемы:

1) уточнение происхождения слова; реконструкция концепта в его культурном контексте;

2) установление семантической связи между значениями слова, если слово многозначное;

3) установление парадигматических (общих, повторяющихся элементов) и синтагматических (сочетаемость слов с конкретными партнерами в рамках высказывания) связей слов;

4) связь данного концептуального поля с другими понятиями;

5) исследование коннотаций.

Каждый концепт является ключом к пониманию национального менталитета, имеет культурологическое значение, высокую степень абстрактности и языковое выражение.

Концепт «политика», с одной стороны, является культурной константой (Ю.С. Степанов), постоянно присутствующим, относительно устойчивым ментальным образованием. Идеальные смыслы концепта «политика» опредмечиваются словом «политика», декодируются в его определениях, представленных в выведенных (на основе словарных дефиниций и данных антропологии) формулах лингвокультурной информации.

С другой стороны, концепт «политика» также один из важнейших *социокультурных* концептов: он имеет древнее происхождение и занимает не последнее место в современной русской языковой картине мира, наглядно отражая общественные процессы, происходящие в стране, эксплицируя ценностно-эмоциональное отношение к ним носителей языка, а также содержит социолингвистическую специфику, характерную для русского понимания политики.

Наше исследование свидетельствует о том, что политика – это та сфера деятельности, где отчетливо проявляются языковая динамика, изменения в общественном сознании, ментальности носителей языка, активные процессы в современной лексике.

Данные, полученные при анализе лексикографических источников и средств массовой коммуникации, взаимно дополняли друг друга. Что позволило нам описать почти все «слои» концепта, эксплицировать значение, закрепленное в языке и составляющее важную часть языковой картины мира. В результате данного исследования мы сделали следующие **выводы**.

1. Вхождение латино-греческого по происхождению слова *политика* в русский язык, а также дальнейшее его функционирование в условиях русской газетно-публицистической речи отражает общую судьбу заимствованных лексем, закономерности их лексико-семантического освоения.

Понятие *полис* принадлежало к одному из фундаментальных понятий античной, а позднее европейской философии, этики, истории, «политической науки». В смысловом содержании греческого слова *полис*, наряду с государственным управлением, гос. правом, обязанностью, деятельностью, делом, выявляются следующие основные семантические компоненты: ‘граждане’, ‘общество (государство)’, ‘свобода’.

В русском языке слово *политика* (в значении «государственная власть»; «гражданская, общественная деятельность») появляется в Петровскую эпоху. Оно зафиксировано в произведениях Катошихина и Ф. Прокоповича. Например, у Ф. Прокоповича в «Слове», произнесенном в 1722 году по поводу заключения мира со Швецией: «Кто путь ему (Петру) к толь высокой *политике* показывал?» [Черных 1994]. Вероятнее всего, до 18 века синонимом этого слова было древнерусское *волость* «*территория, государство, власть*» [Фасмер 1986: 344].

Войдя в русский язык как однозначный политический термин ("государственная деятельность"), о чем свидетельствуют показания словарей 18 века, слово *политика* имело качества, диктуемые терминологической системой: однозначность, логизированность, устойчивые синтагматические связи, отсутствие экспрессивности, эмоциональности, функционально-стилистическую закреплённость.

Так, уже в политическом словаре 18 века семная структура данного термина была многокомпонентной, что послужило предпосылкой дальнейшей семантической эволюции (ср.: *политика* – искусство управлять государством, государственные, общественные дела).

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова представлены уже семь значений слова *политика*, из которых ведущее первое: «деятельность государственной власти в области управления и международных отношений (*мирная, агрессивная политика*), а все вторичные значения образовались на базе метонимического переноса.

Толковый словарь под редакцией С.И. Ожегова (1997) даёт трехзначную структуру слова *политика*, где два значения остаются терминологическими, но широко проникают в общелитературный язык: *политика мира, финансовая политика; текущая политика; интересоваться политикой*, а третье значение «образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми» приобрело помету *разг.*, что свидетельствует о потере термином

дефинитивной функции и соответствует второму значению по Ушакову (*хитрая политика у кого-нибудь, недалновидная политика*). С.И. Ожегов не отмечал свои значения пометами *устар.*, *перен.*, а повторил 1,2 и 4 ЛЗ по Ушакову.

2. Лексико-семантическая сочетаемость слова-концепта *политика* как показывает «Словарь сочетаемости слов русского языка» имеет устойчивые модели.

Так, сочетаясь с различными частями речи, термин *политика* реализует **первое значение** «деятельность органов государственной власти». Нередко употребление термина в глагольных моделях дополняет коммуникативно-прагматическую значимость политики как деятельности: *политику поддерживать, отвергать, навязывать*.

Второе значение термина *политика* «вопросы и события общественной, государственной жизни» реализуется в модели сочетаемости с прилагательными, характеризующие временную значимость события (*текущая политика, злободневная, актуальная*), а также с глаголами и существительными отглагольного действия (*интересоваться политикой – интерес к политике*).

Третье нетерминологическое значение слова *политика* разговорного характера «образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми», реализуется в нескольких моделях сочетаемости с разными частями речи, но наиболее частотна модель с прилагательными: *правильная политика, странная политика, тонкая политика*; в сочетаниях с существительными, указывающими на деятеля: *политика страны, партии, блока, президента*; с существительными и прилагательными, выражающими оценку качества деятельности, как-то: *политика мира, невмешательства, нейтралитета* синонимичны моделям с прилагательными (*политика мирная, агрессивная, захватническая*). Сочетания с прилагательными *внешняя политика, внутренняя политика, международная, экономическая,*

финансовая, национальная отражают разные стороны политической деятельности. Модели с глаголами усиливают направление деятельности: *политику изучать, вести, изменять, проводить*. Нередко в сочетаниях с прилагательными актуализируется сема «само действие» или «отношение к чему-либо»: *политика хитрая, тонкая, недальновидная*.

В моделях с существительными, называющими конкретное лицо, имя, не связанное с политикой, актуализируется сема «действие, поведение» (*политика соседа, директора, Мухина*).

Что касается сочетаемости с глаголами, то здесь модель приобретает весьма устойчивый характер (*вести политику, придерживаться политики, окунуться с головой в политику*).

Таким образом, данные толковых словарей показывают, что каждое лексическое значение многозначного слова концепта «политика» реализуется в определенном синтагматическом ряду (лексическая сочетаемость) с разными частями речи. Появляются нетерминологические, разговорные значения, актуализирующиеся в особых лексических сочетаниях с существительными *nomen agentis*.

3. В современной газетно-публицистической речи синтагматические связи слова-концепта *политика* значительно расширяются, эксплицируя его семантические трансформации.

Так, в сочетаниях с прилагательными ядерная сема «политическая деятельность **органов** государственной власти» (в первом значении) становится периферийной, уступая «место» семе «любая деятельность в той или иной сфере»: *инвестиционная политика, алкогольная политика, промышленная политика, внебюджетная политика, дивидендная политика*.

Такая сочетаемость акцентирует внимание читателя на интегрирующей функции *политики* в современном русском обществе.

Интересна и тенденция к адресности политики в современных условиях: это нашло отражение в таких сочетаниях, как: *политика Багдада, Кремля, реформаторов, Басилашвили, политика бизнесменов, думская политика* и др. Обращают на себя внимание случаи метонимизации подобных сочетаний, реализующих переносное значение «лица, занимающиеся политической деятельностью».

«Политика по-петербургски: ищите женщину. У петербургской политики – женское лицо» (Рос. газета. 2002. №116).

Особый интерес вызывает активное употребление термина *политика*, в сочетании с экспрессивно-оценочными прилагательными: *гнилая политика, пещерная политика, шкурная политика, ненавистная политика*.

Нередко целый ряд сочетаний с оценочным прилагательным приобретает устойчивый характер, а экспрессивно-оценочная семантика определения нейтрализуется. Такая тенденция к фразеологизации свидетельствует о появлении нового составного термина: *глобальная политика* (деятельность, направленная на мировое господство), *большая политика* (международная деятельность).

Расширение лексических связей термина *политика* происходит и за счет привлечения терминов других, точных наук: *орбита мировой политики, зенит мировой политики, векторы политики*. Мы называем этот процесс интертерминологизацией или транстерминологизацией, который в целом ряде случаев может быть оценен как семантическая детерминологизация: *механика политики* (механика деятельности), *технология политики* (в значении законотворчества, направленного против интересов народа).

Синтагматические свойства слова *политика* в значении («вопросы и события общественной, государственной жизни») представлены в моделях сочетаемости со всеми частями речи, но особенно частотны сочетания с относительными прилагательными с топонимической семантикой.

Подобные лексические связи отражают злободневные события и проблемы общероссийской государственности. Например: *чеченская политика* – вопросы и события, касающиеся Чечни; *иракская политика* – вопросы, актуальные для событий в современном Ираке и др.

Синтагматические связи термина *политика* с глаголами и существительными не только расширяются, но и приобретают устойчивый, фразеотерминологический характер: *разбираться в политике*, *политика оплаты труда* («пересмотреть политику оплаты труда»), *строить политику* (издавать законы), *люди из политики* (государственные деятели).

Третье значение слова *политика* («образ действий, направленных на достижение чего-либо, определяющий отношения с людьми») разговорного характера на страницах газетных текстов ретерминологизируется, «возрождаясь» и закрепляясь как термин в следующих устойчивых сочетаниях: *политика диктата*, *сближения*, *присоединения и неприсоединения*.

Как разговорно-литературное слово в модели сочетания с оценочными прилагательными оно усиливает свой «разговорный статус»: *лихая политика*, *бесшабашная политика*.

Таким образом, в газетно-публицистическом дискурсе можно увидеть новые семантические возможности ключевого слова-концепта *политика*, проявляющиеся в метафоризации (*гнилая политика*), метонимизации (*политика по-петербургски*, *по-московски*), в расширении лексического значения («любая деятельность»).

Исследование парадигматических связей концепта *политика* предполагает описание его синонимических связей, что является наиболее значимым для концептуального анализа. Что касается показаний словарей синонимов, то существительное *политика* не имеет синонимических «партнеров» (Черняк 1989). Однако анализ нашего материала выявил многообразное проявление синонимических «сближений» в контекстуальных фрагментах. Причем, текстуальная синонимия

проявляется в каждом из значений слова *политика*: 1) «деятельность органов государственной власти»: *политика, деятельность, дело, работа, труд* (например, *качество политики – качество деятельности; мало опыта в политике – мало опыта в делах; политика – семейное дело* и др.) 2) «вопросы и события общественной, государственной жизни»: *политика, события* (например, *чеченская политика – чеченские события; иракская политика – иракские события; говорить о политике – говорить о событиях; футбол – это политика – футбол – это важное событие для страны* и др.) 3) «образ действий, направленных на достижение чего-нибудь»: *политика, поведение, государственные интересы, образ жизни* (например, *в политике все хорошо – в личной жизни все хорошо; политика – государственные интересы* и др.).

4. Анализ эпидигматических связей существительного *политика* (состава словообразовательного гнезда «политика» и функционирования его единиц) показывает:

Словообразовательное гнездо слова «политика», по данным «Словообразовательного словаря русского языка», насчитывает 84 единицы, где «политика» является мотиватором в современном русском словопроизводстве и представлено двумя группами: элементы с большим словообразовательным потенциалом; элементы с незначительным или нулевым словообразовательным потенциалом (активностью). Словообразовательный потенциал определяется актуальностью явления, обозначенного данной единицей и его связью с профессиональной и обыденной речью.

Наш анализ опирается на объективные данные, демонстрирующие частотность и приоритеты в употреблении носителями языка единиц словообразовательного гнезда слова «политика».

В данном словообразовательном гнезде мы можем выделить следующие способы словообразования: суффиксальный (*политикан, политиканиша, политиканство, политизация, аполитичность*);

префиксальный (префиксы **а-**, **не-**, с негативной семантикой, например, *аполитический*, *аполитичный*, *неполитичный*,); префиксально-суффиксальный (*аполитицизм* – негативный префикс **а-** и суффикс **-изм** с семантикой безразличия, неучастия в деле).

90% всего гнезда составляет **именная лексика**. Наиболее продуктивным способом словообразования именной лексики является **словосложение**, благодаря которому лексико-семантическое поле слова «политика» увеличивается за счет дериватов (*политбюро*, *политотдел*, *геополитика*, *политзаключенный*, *внешнеполитический*, *общественно-политический*, *социально-политический*, *культурно-политический*).

Исследуемое словообразовательное гнездо, а следовательно, и концептуальное пространство «политика» чутко реагирует на изменения в менталитете носителей языка: в течение трех рассмотренных периодов (конец XIX – нач. XXI вв.) одинаково активными являются лексические единицы *политика*, *политический*, *политик*. Однако в третий, современный период наблюдаем значительные изменения в концептуальном пространстве слова *политика*: семное варьирование (семы с негативной оценкой) и расширение эпидигматического поля за счет появления негативных коннотаций. Например: *политтехнология*, *политтехнологи*, *политкухня*, *политпалата №6* и др.

Итак, словообразовательное гнездо слова *политика* в современном русском языке подверглось изменениям: появились новые производные, не зафиксированные в словаре: *политкорректность*, *политтехнологии*, *политтехнологи*, *политсубъект*, *политнаперсточник*, *глубокополитический*, *политиканство*, другие – ушли в пассивный словарь: *политкружок*, *политиканша*, *политико-массовый*, *партийно-политический*, *политучеба*, *политзанятие*, *политотдел*, *политбюро* и мн.др. Целый ряд неологической лексики носит окказиональный характер: *политмагия*, *политкухня*, *политчванство*, *политсундук*, *политбомонд*, *политпалата №6*, *политслэнг*, *политжаргон*, *политохота* и др.

5. Ярким примером расширения лексико-семантических связей, транстерминологизации и детерминологизации является функционирование термина-деривата *политический*.

В толковых и терминологических словарях данная единица имеет два значения - «относящийся к деятельности» и «относящийся к вопросам и событиям». И в том, и в другом значении частотны модели сочетаемости с существительными.

Так, в современном русском языке отмечены модели сочетания с существительными ЛСГ «лица» (*политический обозреватель* и др.); с существительными отглагольного действия (*политическая борьба, трения*). Что касается второго значения, то словари представляют такие модели, как: *политический режим, политическое устройство*. Такая сочетаемость ограничена.

На газетной полосе термин дает яркие образцы рождения нового составного политического термина: *политический терроризм* (преступление, предусмотренное уголовным кодексом), *политический беженец, политический либерализм, политический эмигрант* (человек, меняющий место жительства в силу политической установки) и др.

Как и слово *политика*, термин-дериват вступает в лексико-семантические связи с терминами других наук. Это самый активный процесс транстерминологизации, наблюдаемый нами на газетной полосе, с явной метафоризацией сочетаний. Например, сочетания с терминами медицины *политический авитаминоз, синдром, шокотерапия, коллапс, агония* для обозначения «политического кризиса в деятельности»; с терминами экономики и торговли (*политические торги* для номинации «процесса «купли-продажи» членов партии»); с терминами образования (*политический ликбез*); спорта (*политический раунд, боулинг*); искусства (*политический спектакль, гастроль, театр* и др.). Многие из них в подобных сочетаниях реализуют коннотативно-негативную сему.

Анализ валентных связей слова *политический* на газетной полосе выявил модели сочетания с разговорно-бытовыми и просторечными словами, в которых стилистическая оксюморонность рассматривается как средство реализации («диагностирования») переносных (метафорических) значений: *политическая тусовка* (заседание); *политическая многоголосоица* (дебаты); *политические расклады* (планы); *политический сундук* (сейф); *политическая кухня* (внутрипартийная дискуссия) и т.д.

Появление подобной оценочной метафоры создает выразительный эффект, яркую социальную оценку лиц и их политической деятельности: *политический наперсточник* (о Березовском), *политическая кутерьма* (о Думе).

В связи с большим наплывом иноязычных слов – американизмов – слово *политический* не избежало лексико-семантических связей с данными словами. Многие словосочетания представлены как образно-оценочная метафора (*политическое шоу, политический уикэнд*).

6. Термин *политик* функционирует в языке газетной прозы в том же значении - «лицо, занимающееся политикой». Здесь можно наблюдать явления резкого разграничения значений слова *политик* и терминосочетания *государственный деятель*, чего не было на этапе вхождения его в русский язык. Следует отметить постоянную лексическую сочетаемость с оценочными прилагательными негативного характера, что отмечал еще В. Даль (*хитрый, ловкий, лихой, нещерный политик* и др.).

7. Мы проанализировали данные «Русского ассоциативного словаря» и провели свободный ассоциативный эксперимент, в результате чего выявили содержательные сферы ассоциативного поля «политика»:

1) характеристика политики:

а) сфера распространения (*мировая, международная, экономическая, внешняя, внутренняя, государственная*);

2) качества, оценка, реакция со стороны окружающих:

а) положительная (*честная*);

б) отрицательная (*грязная, неправильная, обманная, плохая, черная, дурацкая, нудная, низкая, кризисная; чушь, ерунда, гадость, маразм, бред, вздор, долой, дрянь, ложь, мура, грязь, дерьмо, бардак, разруха, нечистоплотность; грязно, надоело, неинтересно, не нужно, плохо, нет решений; страшное дело, грязное дело, что-то запутанное, не для нас, путаница, темный лес*);

3) субъекты политики: *Ельцин, Жириновский, Горбачев, президент, человек, политикан, Дума, правительство*;

4) способ распространения информации о политике: *газеты, телевизор, новости, журнал, беседа, спор*;

5) смежные с политикой области: *экономика, искусство, наука, стилистика, история*;

б) способы ведения политики: *кнут, закулисная игра, подлость*;

7) реалии политического прошлого: *КПСС, перестройка, военный коммунизм, съезд, коммунизм*;

8) оптимистическое будущее политики: *хорошее дело, обновление, угощение, нужна, на высоте, мир, успех*.

8. Анализ языкового проявления концепта «политика» в русской языковой картине мира позволил описать ядерные признаки концепта, определить основные парадигмы, демонстрирующие структуру концепта, а также выявить представления о концепте в сознании носителей языка.

Основными смысловыми парадигмами, эксплицирующими структуру концепта «политика», являются:

политика – власть;

политика – деньги;

политика – война;

политика – дело;

политика – искусство;

- политика – оценка (положительная, отрицательная);
- политика – мнение (старшее поколение, студенты);
- политика – социум (окружение, реакция окружения);
- политика – конкретные лица.

Поскольку структура концепта являет собой поле, то возможно наложение некоторых парадигм.

Наивное понимание политики предполагает то, что политика – это, прежде всего, искусство управлять государством; урегулирование государственных и общественных дел.

Политика в сознании носителей языка ассоциируется с конкретными лицами, оценкой ситуации, отношением к ней, что позволяет назвать некоторые содержательные признаки концепта:

- политика – деятельность (*агрессивная, алкогольная, безопасности*);
- в политику идут (*податься в политику, заиграться в политику, быть в / вне политики*);
- политика – реально существующее событие, ситуация (*патологическая, больная, вялая*);
- адресность политики усиливается (*политика директора, политика Басилашвили, думская политика*);
- политика и другие науки (*литературная политика, языковая политика*);
- политику оценивают (*тупая, странная, шкурная, непродуманная, ненавистная*);

Содержательные признаки концепта в менталитете русского человека подвергаются активной семантической трансформации, стилистической «раскрепощенности» и функциональной значимости. Примечательно то, что каждый из вышеназванных содержательных признаков концепта *политика* часто попадает в спектр негативной оценки,

а это яркое свидетельство о нестабильности в современном русском социуме.

Проведенные результаты исследования также позволяют сделать общий вывод о сильной тенденции к экспрессивизации современной русской речи, о сближении научного и публицистического стилей, активной миграции терминов из одной сферы в другую.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абаев В.И. Язык как идеология и язык как техника // Абаев В.И. Избр. тр.: В 4т. Владикавказ, 1995. - Т.2. Общее и сравнительное языкознание.
2. Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: Сб. науч. тр. -Л., 1972.
3. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. - Харьков, 1972.
4. Антропова М.В. Личностные доминанты и средства их языкового выражения. - М., 1995.
5. Апресян Ю.Д. Синонимия и синонимы // Вопр. языкознания. - 1969. -№4.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды. - Т. 1, 2. - М., 1995.
7. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопр. языкознания. - 1995. - №5.
8. Арутюнова М.А. Метафора и дискурс // Теория метафоры. - М., 1990.
9. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. События. Оценка. Факт. - М., 1988.
10. Арутюнова Н.Д. // Логический анализ языка: Ментальные действия. - М., 1993.
11. Арутюнова Н.Д. Язык // Русский язык. Энциклопедия. - М., 1997.
12. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность. Антология. - М., 1997.
13. Бабенко В.С. Состав и функционирование общественно-политической терминологии в немецком языке: Автореф. дис... канд.филол.наук.- Львов, 1965.

14. Бабушкин А.П. Концептуальные типы значений слова // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка.- Воронеж, 1996.
15. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. - Воронеж, 1998.
16. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. – М., 1991.
17. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
18. Бастриков А.В. Субъекты национальной мифологической картины мира // Языковая семантика и образ мира. - Казань, 1997.
19. Белая А.С. Формирование общественно-политической лексики советской эпохи: Автореф. дис... канд.филол.наук. - Днепропетровск, 1977.
20. Белобородова И.В. Концепт «цвет» в лингвокогнитивном аспекте (на материале автобиографической прозы): Автореф. дис. ...канд.филол. наук. - Таганрог, 2000.
21. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974.
22. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка ХУШ в. Языковые контакты и заимствования. - Л., 1972.
23. Бондарко А.В. Основы фундаментальной грамматики: языковая интерпретация. Идеи времени. - СПб., 1999.
24. Брагина А.А. Некоторые семантические тенденции в современной русской лексике. - М., 1968.
25. Брутян Г.А. Язык и картина мира //Филол. науки. - 1973. - №3.
26. Брутян Г.А. Языковая картина мира и роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. - Ереван, 1976.
27. Будагов Р.А. История слов в истории общества. - М., 1971.

- 28.Будагов Р.А. Язык и общество // Будагов Р.А. Филология и культура. -М., 1980.
- 29.Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. - М., 1996.
- 30.Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. - М., 2001.
- 31.Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990.
- 32.Васильева А.Н. Особенности газетно-публицистического стиля при обучении иностранцев русскому языку. - 1974. - Вып.1.
- 33.Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. - М., 1999.
- 34.Вежбицкая А. Язык. Познание. Культура. - М., 1999.
- 35.Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании рус.яз. как иностр. - М., 1990.
- 36.Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. - М., 1977.
- 37.Вишаренко С.В. Принципы структурирования концепта «honour» и текстовая реализация его ядерных компонентов (на материале ранненовоанглийского периода): Автореф. дис. ...канд.филол. наук. - СПб., 1999.
- 38.Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. - 2001. - №1.
- 39.Воронина Н.Н. Существительные на «-ация» в современном русском языке: реальность и прогнозы // Рус. яз. в школе. - 1993. - № 1.
- 40.Гаджиева К.С., Гудыменко Д.В. Введение в политологию. - М., 1995.
- 41.Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976.

42. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. - М., 1972.
43. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М., 1977.
44. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М., 1981.
45. Говердовская Е.В. Новые существительные в лексике современного русского литературного языка // Рус. яз. в школе. - 1992. - № 3-4.
46. Голованевский А.Л. Общественно-политическая лексика и фразеология русского языка 1900-1917 гг: Автореф. дис... канд.филол.наук. - М., 1974.
47. Голованевский А.Л. Формирование общественно-политической лексики как идеологически-оценочной категории в русском литературном языке дооктябрьского периода: Автореф. дис... д-ра филол.наук. - М., 1989.
48. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. - Л., 1978.
49. Гумбольдт В. фон. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. - М., 1985.
50. Даниленко В.Н. Русская терминология. - М., 1976.
51. Демидова К.И. Слово в системных отношениях на разных уровнях языка: Сб. науч. тр. Свердловск. ГПИ, 1985.
52. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. - М., 1993.
53. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. - М., 1977.
54. Диброва Е.И. Современный русский язык. - М., 2001.
55. Дмитриева Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: Автореф. дис. ...канд.филол. наук. - Волгоград, 2001.
56. Ермакова О.П. Метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации // Русский язык конца XX столетия (1905-1995). - М, 2000.

57. Журавлева В.В. Политическая история России. - М., 1998.
58. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова.- Калинин, 1982.
59. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистич. исслед. - Воронеж, 1990.
60. Звегинцев В.А. Семасиология. - М., 1957.
61. Зевахина Т.С. Компонентный анализ как метод выявления семантической структуры слова: Автореф. дис... канд.филол.наук. - М.: МГУ, 1979.
62. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. - М., 1973.
63. Зубкова Л.Г. Язык и образ мира в общей теории языка: эволюция представлений // Языковая семантика и образ мира.- Казань, 1998.
64. Капанадзе Л.А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики // Развитие лексики современного русского языка. - М., 1965.
65. Капралова С.Г. Изучение состава общественно-политической лексики по тематическим группам // Исследования по русскому языку и языкознанию. - М., 1974.
66. Карасик В.И. Культурные доминанты // Языковая личность: Культурные концепты: Сб.науч.тр. - Волгоград, Архангельск, 1996.
67. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. - М., 1981.
68. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987.
69. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть.- М., 1999.
70. Карпович Л.Т. Англо-русская общественно-политическая терминология. - Минск, 1976.

- 71.Каштанова Е.Е. Лингвокультурологические основания русского концепта любовь (аспектный анализ): Дис. ... канд.филол. наук. - Екатеринбург, 1997.
- 72.Клычков Г.С., Демусьяк М.А. Лингвострановедческая специфика образования новых слов в соответствии со структурно-семантическим принципом аналогии // Лингвострановедч. описание лексики английского языка. - М., 1983.
- 73.Коготкова Т.С. Из истории формирования общественно-политической терминологии: (По материалам последнего десятилетия XIX в.) // Исследования по русской терминологии. - М., 1971.
- 74.Коготкова Т.С. Национальные истоки русской терминологии. - М., 1991.
- 75.Колшанский Г.В. Контекстная семантика. - М., 1980.
- 76.Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. - М., 1990.
- 77.Костомаров В.Г. Культура языка и речи в свете языковой политики // Язык и стиль. - М., 1965.
- 78.Костомаров В.Г. Некоторые особенности языка печати как средства массовой коммуникации. - М., 1969.
- 79.Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. МГУ. - 1971. - Гл. 1-4.
- 80.Костомаров В.Г. Русский язык в иноязычном потоке // Рус. яз. за рубежом. - М., 1993. - № 2.
- 81.Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. - М., 1994.
- 82.Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость. - Л., 1975.
- 83.Котелова Н.З. Лексическая сочетаемость слова в словаре // Совр. русская лексикография. - Л., 1977.

84. Крысин Л.П. О новых лексических заимствованиях в лексике современного русского литературного языка // *Вопр. культ. речи.* - М., 1964. - Вып.5.
85. Крысин Л.П. Иноязычная лексика в русской литературной речи 20-х годов // *Развитие лексики совр. русск. языка.* - М., 1965.
86. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. - М., 1968.
87. Крысин Л.П. Язык в современном обществе. - М., 1977.
88. Крысин Л.П. Жизнь слова. - М., 1980.
89. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. - М., 1989.
90. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // *Рус. яз. в школе.* - М., 1994. - №6.
91. Крючкова Т.Б. Стихийное и целенаправленное начало в развитии общественно-политической лексики и терминологии: (на мат. немецкого языка) // *Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка.* - М., 1988.
92. Крючкова Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. - М., 1989.
93. Кубрякова Е.С. , Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. - М., 1996.
94. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* // *Логический анализ.* - М., 1991.
95. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. - М., 1981.
96. Кузнецов А.М. О применении метода компонентного анализа в лексике // *Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем.* - М., 1971.
97. Левковская К.А. Именное словообразование в современной общественно-политической терминологии. - М., 1960.

98. Лисицкая В.А. Лексико-грамматические связи в структуре языка. - Воронеж, 1976.
99. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер.лит. и яз. - 1993. - №1. - Т.52.
100. Логический анализ языка: Культурные концепты. - М., 1991.
101. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. - М., 1982.
102. Лотман Ю.М. Миф – имя – культура. – М., 1994. – Т.1.
103. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты: Науч. тр. Центроконцепта. - Архангельск, 1997. - Вып.1.
104. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. - М., 1974.
105. Мельник В.М. О типичных словосочетаниях общественно-политической речи в связи с их изучением в иностранной аудитории // В помощь преподавателю русского языка как иностранного. - М., 1968.
106. Менталитет. Концепт. Гендер. - Кемерово, 2000.
107. Ментальность россиян. - М., 1997.
108. Мильшин П.К. Обогащение общественно-политической лексики литературного языка в современную эпоху: Автореф. дис ...канд. филол. наук. - Ростов н/Д, 1964.
109. Мистюк Т.Л. О терминологизации в современном газетном тексте // Молодая филология. - Новосибирск, 1998. - Вып. 2.
110. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском языке. - Л., 1987.
111. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. - М., 1977.
112. Нагибина Е.В. Концепт «слава» в русском языке (лингвокультурологический аспект): Автореф.дис. ...канд.филол.наук. - Барнаул, 2002.

113. Нерсисянц В.С. История политических и правовых учений. - М., 1997.
114. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учеб. пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики. - СПб., 1996.
115. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. - М., 1970.
116. Откупщиков Ю.В. К истокам слова. - М., 1973.
117. Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. - Новосибирск, 1999.
118. Павиленис Р. И. Проблема смысла. - М., 1983.
119. Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М., 1997.
120. Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ...канд.филол.наук. - Волгоград, 2001.
121. Перцов Н.В. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Спорное в лингвистике. - М., 1996. - Вып.1.
122. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. - М., 1997.
123. Попов Р.Н. Новые слова на газетной полосе // Рус. яз. в школе. -1993. - № 1.
124. Протченко И.Ф. Развитие общественно-политической лексики в современную эпоху // Развитие лексики совр. р. яз. - М., 1965.
125. Протченко И.Ф. К вопросу об изучении общественно-политической лексики // Историко-филологические исследования. - М., 1967.
126. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. - М., 1975.

127. Протченко И.Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития. - М., 1984.
128. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1999.
129. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления американской лингвистики. - М., 1997.
130. Реформатский А.А. Введение в языковедение. - М., 1999.
131. Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / Сокр. пер. с франц. Т.А. Ребеко. – М., 1998.
132. Родионова З.В. Русско-английский словарь общественно-политической лексики: Ок. 9000 слов. - М., 1987.
133. Розенталь Д.Э. Стилистика газетных жанров. - М., 1981.
134. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. - М., 1988.
135. Романова Н.П. О мотивированности исконных и заимствованных терминов // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. - Воронеж, 1976.
136. Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995). 2-е изд. - М.: «Языки рус. культуры», 2000.
137. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. - Л., 1989.
138. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. - М., 1975.
139. Семантика. Функционирование. Текст. - Киров, 1999.
140. Семиотика. - М., 1983.
141. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. - СПб., 1993.
142. Солганик Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX веке // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. - 2002. - №2.

143. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. - М., 1965.
144. Сосенко Э.Ю. Работа над общественно-политической лексикой на продвинутом этапе // Преподавание русского языка как иностранного. - М., 1969.
145. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология: (Виды семантических определений в совр. лексикологии) // Языковая номинация. Общие вопросы. - М., 1977.
146. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. - М., 1991.
147. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исслед. - М., 1997.
148. Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. -М., 1998.
149. Степанова В.В. Слово как предмет изучения: Сб. науч. тр. ЛГПИ, 1971.
150. Степанова Г.В., Шрамм А.Н. Введение в семасиологию русского языка. - Калининград: КГУ, 1980.
151. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. - Воронеж, 1985.
152. Стернин И.А. Коммуникативная концепция семантики слова // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. - Екатеринбург, 1997.
153. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. - М., 1998.
154. Телия В. Н. Типы языковых значений. - М., 1981.
155. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. - М., 1977.
156. Томахин Г.Д. Лексика с культурным компонентом значения // Иностр. яз. в школе. - М., 1980. - № 6.
157. Тураева З.Я. Лингвистика текста. - М., 1986.

158. Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функцион.-когнит. словарь. - Уфа, 1998.
159. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. - М., 1968.
160. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. - М., 1996.
161. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. - М., 1999.
162. Филин Ф.П. К проблеме социальной обусловленности языка // Вопр. языкознания. - 1966. - №4.
163. Филин Ф.П. Слово и его значение // Рус. речь. - 1980. - №3.
164. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. - М., 1981.
165. Фоменко Ю.В. Валентность, дистрибуция, словосочетание // Вопросы языкозн. и сибирской диалектологии. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.- Вып. 7.
166. Фоменко Ю.В. Учение о слове: Учеб. пособие. – Новосибирск, 1991.
167. Фоменко Ю.В. Язык и речь: Учеб. пособие. – Новосибирск, 1990.
168. Фомина М.И. Современный русский язык. - М., 1978.
169. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. 1993. Сер. 2-3.
170. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. - М., 1972.
171. Шанский Н.М. Русский язык. Лексика. Словообразование. - М., 1975.

172. Шварц Е.Д. Проблема национальной самобытности лексического значения слова // Лингвострановед. описание лексики англ. яз. - М., 1983.
173. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. - М., 1964.
174. Шмелев Д.Н. Принципы семантического анализа лексики. - М., 1973.
175. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического описания лексики. - М., 1977.
176. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. - Л., 1979.
177. Шумова Н.С. Формально-семантические характеристики глаголов, заимствованных в английский язык из латыни в эпоху возрождения: Автореф. дис ...канд. филол. наук. - Калинин, 1974.
178. Шумова Н.С. Новые англоязычные заимствования в сознании носителей русского языка // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики. - Тверь, 1994.
179. Шумова Н.С. Новые англицизмы в газетных публикациях и в сознании билингов // Психолингв. исследования: Слово и текст. - Тверь, 1995.
180. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1931.- №1.
181. Этимология. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. - М., 1968.
182. Язык и наука конца XX века. - М., 1995.
183. Язык. Культура. Этнос. - М., 1994.
184. Язык. Человек. Картина мира. - Омск, 2000.
185. Языковая личность: Культурные концепты. - Волгоград; Архангельск, 1996.

186. Языковая семантика и образ мира. - Казань, 1998.
187. Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. - М., 1995.
188. Яковлев К.Ф. Как мы портим язык (об иностранных словах в нашем языке). - М., 1974.
189. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). - М., 1994.
190. Яценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. - Томск, 1979.

Лексикографические источники

191. Даль В. Толковый словарь. - М., 1994. - Т. 1-4.
192. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб., М., 1982.
193. Даниленко В.И. Современный политологический словарь. - М., 2000.
194. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. - М., 1976.
195. Денисов П.Н., Морковкин В.В. Словарь сочетаемости слов русского языка. - М., 2001.
196. Новая философская энциклопедия. - М., 2001. - Т.3.
197. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1978.
198. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1997.
199. Прохоров А.М., Гиляров М.С. и др. Советский энциклопедический словарь. - М., 1980.
200. Розанова В.В. Краткий толковый словарь. - М., 1980.
201. Русский ассоциативный словарь. - М., 1994. - Кн. 2.
202. Русский ассоциативный словарь. - М., 1996. - Кн. 4.
203. Русский семантический словарь. - М., 1983. - Т. 1, 2.
204. Семигин Г.Ю. Политическая энциклопедия. - М., 1999.

205. Словарь иностранных слов: актуальная лексика, толкования, этимология. - М., 1997.
206. Словарь русского языка. В 4 т.– М., 1984. – Т.3.
207. Словарь русского языка XI-XVII вв.– М, 1990. – Вып. 16.
208. Словарь современного русского литературного языка.– М.,Л., 1960. – Т.10.
209. Словарь сочетаемости слов русского языка. - М., 1983.
210. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20000 слов. 3-е изд., стер. - М., 2000.
211. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка.– М., 1989. – Т.1.
212. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. - М., 1990.
213. Толковый словарь русского языка конца XX в. - СПб., 1998.
214. Толковый словарь русского языка // Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М, 1939.
215. Учебный словарь сочетаемости общественно-политических терминов. - М., 1989.
216. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - 1986. - Т. 1, 2, 3, 4.
217. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. - М., 1997.
218. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. - М., 1994. - Т.2.

ПРИЛОЖЕНИЕ - словник

Сочетаемость слова-концепта **политика**

в газетно-публицистических текстах XX - нач. XXI вв. :

с именами существительными	имя прилагательное + <i>политика</i>	с глаголами
политика Багдада политика Басилашвили политика безопасности векторы политики женщины в политике политика диктата политика директора политика запрещения зенит политики Игорь Политика качество политики политика Кремля механика политики политика нажима политика невмешательства политика неприсоединения объекты политики политика оплаты труда орбита политики отзыв о политике политика – не семейное дело политика – это театр страстей политика и деньги политика и семья политика с элементами группового секса путь к политике редактор отдела политики политика реформаторов политика сближения субъекты политики футбол – это тоже политика политика с большой буквы	авантюристическая аграрная агрессивная актуальная алкогольная американская аннексионистская антиинфляционная антимонопольная антинародная бездарная ближневосточная большая бюджетная внебюджетная внешняя внутренняя внятная военная высокая грузинская дивидендная думская жесткая здоровая злободневная израильская инвестиционная кадровая конкретная литературная лучшая международная мировая ненавистная непродуманная новая неоколониалистская патологическая петербургская оборонная промышленная публичная разумная реакционная российская социальная странная тарифная тупая чеченская шкурная экономическая языковая	политика выбрасывает из эфира вовлечь в дискуссию о политике заиграться в политику политика идет идти в политику интересующиеся политикой лезть в политику мало опыта в политике политика направлена политика нацелена политика не интересна нечего делать в политике обсуждать политику политика охватывает пересмотреть политику податься в политику политика не строится по половому признаку политика победила искусство политика сражается с экономикой проводить политику уходить в политику художник, творящий политику

Сочетаемость ключевых слов концепта **политика**
в газетно-публицистических текстах XX - нач. XXI вв. :

ПОЛИТИК

С именами существительными	имя прилагательное + <i>политик</i>
амплуа политика	востребованный
искусство политика	выдающийся
количество политиков	демократические
монстры - политики	занятой
прагматики-политики	здравомыслящие
	известные
	искушенный
	лихие
	любой
	модный
	неподкупные
	пещерный
	потешный (о Черномырдине)
	стильный
	умный
	хитрые
освоят ли политики	
устаи младенца глаголет истина – устаи политика – мудрость	

ПОЛИТИЧЕСКИЙ

авитаминоз активность амбиции арена аспекты беженцы бойцы болезнь бомонд борьба боулинг бунт вершины вес воздействие возмужание воля вопросы выкидыш гастроли год гомункулусы грязь давление демагогия день деятель диалог дивиденды жертвы жизнь забастовка заговор заказ заказчики знания зона зонт игра институты интеграция инфаркт капитал карта класс компромат конфронтация конъюнктура костер	красота кризис кульбит курс кутерьма кухня лаборатория либерализм логика лозунг маневр маргиналия метастазы многоголосица могильщик мотивы мудрость надстройка намек насилие наследство нейтралитет нестабильность новояз нормы обозреватель окраска Олимп оттенок партнерство пенсионер пора порядок потенция препятствия причины пространство плавание платформа повод поддержка подоплека позиции поле переориентация перспективы процедура пыл	работа равноправие раскаты расклады раунд режим риск романтизм руины рыбаки сезон сериал силы синдром системы смерть сообщество спектакль СПИД споры стабильность стачка страсти строительство субъект суверенитет сундуки сфера схемы сцена терроризм торг трения трудности тусовка убежище ублюдок урегулирование фразеология характер цвет Чернобыль шокотерапия шоу экстремизм элита эмигранты эпатаж эффектность
---	---	---

ПОЛИТ-

политбомонд
политвыводы
политжаргон
политжизнь
политзаключенные
политинформ
политкино
политклуб
политкорректность
политкорректный
политкухня
политлобзания
политляпы
политмаг
политмагия
политнаперсточник
политоппоненты
политохота
политпалата №6
политпоцелуй
политпросвет
ПОЛИТра
политрынок
политслэнг
политсовет
политструктура
политсубъект
политтехнолог
политтехнологии
политубежища
политхроника
политцитатник
политэротические